

ПАВЕЛ
ДАНИЛОВ



16+

МЕЦЕНАТЫ ЗЛА

Павел Александрович Данилов

Меценаты зла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64062016

SelfPub; 2021

Аннотация

Звездолетчика Кирилла Громова арестовывают на собственном торговом корабле, обвинив в шпионаже против планеты Тайлы, которой правит диктатор-параноик. Пытаясь выбраться из плена и понять, кто же его подставил, Кирилл действительно узнает страшные военные и политические тайны. В круговороте убийств и предательств, звездолетчик меняется и, сам того не понимая, только приближает предстоящую войну четырех обитаемых систем.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	41
Глава четвертая	66
Глава пятая	90
Глава шестая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Павел Данилов

Меценаты зла

Глава первая

Кирилл сидел в каюте и тихо ее ненавидел. Комнатка была два на два метра, и в ней помещались только кровать и шкаф. Низкий потолок действовал на нервы. По нажатию кнопки стена выплевывала из себя обеденный столик, но Кирилл предпочитал есть в общей комнате, чтобы хоть как-то скрасить длинный перелет.

– Громов, – проговорил динамик экстренной связи голосом бортинженера, – пройдите в технический отсек.

Не успел Кирилл подняться, как динамик разразился криком капитана:

– Громов! Скорее в рубку! У нас проблемы!

«Начинается, – с тоской подумал Кирилл. – То неделю без дела, то сразу в два места надо».

Кирилл Громов занимал две должности: помощник бортинженера и начальник безопасности. Так менеджеры компании придумали сэкономить деньги и пространство. Ведь вместо одного человека можно провести восемь кубометров ископаемых. А груз не ест, не дышит, не требует жалования и приносит прибыль.

Громов пробежал по узкому коридору и приложил ладонь к панели доступа. Переборка открылась, и Кирилл вошел в рубку.

Антон – капитан с опытом в полсотни полетов, безмолвно показал на обзорный экран, разделенный на полдюжины секций. Так офицеры могли следить сразу за всеми шестью направлениями.

Кирилл насчитал четыре истребителя из личной гвардии правителя Тайлы – диктатора Рекса третьего.

– Каждый сделал по выстрелу. «Темный двигатель» поврежден, – сообщил Антон.

– Они не хотят, чтобы мы смогли уйти в прыжок, – нахмурившись, сказал Кирилл. – Но зачем нам бежать?

– Торговля в системе Rex¹ всегда была делом непростым, но это уже переходит все границы, – устало сказал капитан, – пора направлять караван к другим планетам.

Кирилл провел ладонью по черным волосам, едва касающихся ушей. Он часто так делал в миг принятия решения.

– Ты связывался с ними?

– Отказ, – ответил капитан и в эту же секунду раздался сигнал вызова. – Слушаю.

– Разрешите стыковку для таможенной службы Тайлы, – произнес оператор не терпящим возражения голосом.

– На каком основании? Почему проверка не проводится на планете?

¹ Rex (лат.) Король

– Нам нужен Кирилл Громов. В случае его укрытия, корабль будет уничтожен.

Капитан сглотнул и выразительно посмотрел на начальника безопасности. Кирилл лишь развел руками. В ярко-зеленых глазах застыли тревога и непонимание.

– Что делать? – тихо спросил Антон.

– Они уничтожат, – прошептал Кирилл. – Разрешай.

– Здесь какая-то ошибка, – сказал в микрофон Антон. –

Он заведует безопасностью полета и...

– Вы разрешаете стыковку? – перебил оператор.

– Да, – с трудом выдохнул капитан. – Но приказать Громову сдаться я не могу.

– С этим мы разберемся сами. Спасибо за сотрудничество.

Антон скрипнул зубами от ярости, услышав последнее слово.

– Я в общую комнату, прикажи всем занять каюты, – сказал Кирилл. – Не хочу, чтобы кто-то пострадал.

– Кирилл... скажи честно, чтобы я не мучился, – неуверенно начал капитан. – Есть ли хоть одна причина, по которой ты мог стать врагом Тайлы?

– Нет, Антон. Клянусь тебе, – покачал головой Кирилл. – Я понимаю не больше твоего.

– Удачи. Надеюсь, они ничего тебе не сделают.

– Сделают, – ухмыльнулся Кирилл, – гвардию Рекса просто так не беспокоят.

Громов развернулся и быстро пошел к выходу. Возле пе-

реборки он оглянулся и подмигнул:

– Хороших вам сделок.

Кирилл зашел в общую каюту и окинул ее взглядом, выбирая лучшую позицию. Повернув от двери направо, Громов сел на диванчик в углу. Обычно бледное лицо налилось краской.

Кирилл отбросил мысли о причине такого внимания к его персоне и лихорадочно соображал, что делать дальше. Воевать с целой планетой смешно. А сдаваться без боя – обидно.

Набор оружия у Кирилла был стандартным – как у любого офицера. Электрошокер, шестизарядный огнестрельный пистолет и лазерное ружье. Весь боекомплект, из пластика и облегченной стали, весил чуть больше килограмма.

Должность начальника безопасности добавляла пластиковые наручники и безумно дорогую форму-хамелеон. Между слоями ткани была вшита тончайшая гибкая броня. Вся форма наполовину состояла из специального полупроводника, который при малом электрическом разряде принимал цвет окружающей среды и экранировал большинство видов излучения.

В обычных условиях ботинки, штаны и куртка были сочного черного цвета. Форма красиво сливалась с волосами Кирилла и придавала уверенности, потому он почти никогда не менял ее на другую одежду даже на планете.

Громов натянул маску и посмотрел на обзорный экран. Таможенная служба прилетела на вместительном и маневренном военном корабле модели «Альфа-6» и уже заканчивала стыковку.

Кирилл переключил лазер на непрерывный режим излучения и встал. В левую руку он взял пистолет. «С чего власти Тайлы взяли, что могут безнаказанно захватывать честных людей?» – подумал Громов. Мысль, что его сейчас могут убить казалась глупой и далекой.

Переборка открылась, и в помещение ворвалась четверка солдат в светло-синих доспехах. Кирилл одновременно нажал два курка. Пуля оставила на костюме противника лишь вмятину, зато лазерное ружье прошило броню почти мгновенно. Солдат закричал, сделал пару шагов и неуклюже рухнул на пол.

Кирилл прыгнул с места и долетел до противоположной стены – одна треть от земной гравитации и двухлетняя подготовка в боевой спецшколе сыграли свою роль.

Солдаты начали отступать, на ходу поливая Громова металлическим дождем. Броня проглатывала выстрелы врагов, словно кит мелкую рыбешку.

Еще один противник с черной оплавленной дырой на светло-синем доспехе рухнул на пол. Двойка невредимых солдат оставила Кирилла в одиночестве.

Воздух общей комнаты был наполнен запахами горелого мяса и кипящего металла. Рядом с Громовым лежало не

меньше десятка усыпляющих дротиков. «Я нужен им живым», – понял он.

В помещение влетело сразу четыре шашки. Две жутко дымили, другая пара испускала желтовато-лиловый газ. Кирилл ухмыльнулся – пришло время проверить фильтры маски.

– Громов, если вы не сдадитесь, мы казним весь экипаж за соучастие. Вы объявлены врагом Тайлы, – послышался голос

– Только и умеете шантажировать, ублюдки! – зло выкрикнул Кирилл.

– Оставьте оружие в каюте и выходите.

– А я не знаю куда идти – тут все в дыму, – огрызнулся Громов, кладя оружие на пол.

Ситуация для Кирилла стала патовой. Как не поступи – он в проигрыше.

Стоило ему выйти в коридор, как несколько человек заломили ему руки за спину и нацепили наручники. Один из солдат ударил Кирилла кулаком в затылок.

– Урод, ты убил моего друга, – сказал он.

– Ну хоть не зря летел, – хмыкнул Громов. – На несколько ублюдков во Вселенной стало меньше.

– Посмотрим, как ты будешь улыбаться, когда за тебя возьмется Шульц.

Кирилла провели от общего зала до выходного люка. Коридоры пустовали. Экипаж сидел по каютам, четко выполняя приказ капитана.

Пройдя через шлюз, который теперь вел не в открытый космос, а на судно «Альфа-б», Громов обернулся. Несмотря даже на крохотную коморку, корабль за восемь полетов стал родным и любимым. И покидать его в наручниках и под конвоем было обидно. Кирилл Громов должен был защищать корабль. А в итоге не смог защитить даже себя.

Такие мысли не прибавляли ни радости, ни самоуважения. Но кто знал, что правительство планеты, куда ты везешь товар, поступит словно пиратская шайка? «А корабль-то я защитил, – тут же опроверг свою критику Кирилл. – Груз и команда в порядке. Плохо только мне».

Пленника затолкали в каюту, и переборка с едва уловимым шелестом закрылась. «Неплохо, – хмыкнул Громов, – комната даже больше, чем у меня. Только кровати со шкафом нет».

Кирилл прижался спиной и связанными руками к противоположной стене и сел на корточки. Выпрямив ноги, он плюхнулся на задницу.

Таможенники даже не потрудились стянуть с него маску. Такая уверенность угнетала. Ведь они могли повязать не того. Вдруг он отдал костюм? Видимо, это исключалось. Да и что это дало бы? Два часа времени – не больше.

Сидеть в лучшей броне без единой возможности действовать и мысленно перебирать поступки врага – в этом была какая-то ирония.

Через четверть часа Кирилла швырнуло на боковую стену

– корабль вошел в верхние слои атмосферы. Гравитация росла каждую секунду. Судно вибрировало и дергалось от тормозных маневров. Через пару минут корабль вернулся в первоначальное положение, и Громов полетел на пол. Теперь, лежа лицом на металлическом полу и ощущая все прелести вертикальной посадки, он порадовался, что остался в маске.

Еще пять минут тряски и корабль затих. Переборка открылась, и в каюту вошел светловолосый мужчина в пиджаке спортивного фасона. Удивленно приподняв брови, он спросил:

– А ты чего в маске? Супергерой что ли?

– Неа, стесняюсь, – буркнул Кирилл.

– Ты это брось, – хмыкнул светловолосый, – больше расскажешь, меньше мучиться будешь.

– Обнадеживающе.

– Меня зовут Теодор. Будешь хорошим мальчиком, останешься в моем ведомстве.

– Я счастлив, – выдавил из себя Кирилл.

– Вставай, сегодня много дел.

– Ручку подашь?

Теодор сразу посерьезнел. Дружелюбные нотки пропали из голоса бесследно.

– Шутить здесь могу только я. А ты, урод, встал и побежал за мной.

Кирилл продолжал лежать.

Теодор достал пистолет и выстрелил Кириллу в бедро. Пу-

ля сплющилась и с легким звоном упала на пол. Кирилл по-морщился – синяк был обеспечен.

На звук выстрела вбежало двое солдат. Каждый держал в руках массивный универсальный автомат. Такое оружие могло стрелять и свинцом, и лазерными импульсами.

– Поднимите его и заставьте идти, – бросил Теодор и вышел.

Громов извернулся и оказался на коленях. Через полсекунды он возвышался над солдатами на полголовы. Несмотря на то, что Громов был уроженцем системы *Mare argenteus*², где гравитация превышала земную и тайльскую на одну пятую, природа наградила его высоким ростом.

Один солдат пошел впереди, второй упер автомат в спину. Кирилла вывели через тот же люк. Маску с него, наконец, сняли. Спустившись по трапу, он оказался на бескрайней крыше правительственного центра. Кирилл насчитал восемь истребителей и два военных корабля «Альфа 6». «Из чего же сделана крыша? – подумал Громов. – Раз на ней располагается целый космодром». Из-за ближайшего корабля вышли Теодор, четверо солдат и еще двое пленников. Процессия сделала сотню шагов и остановилась недалеко от края крыши.

Кирилл сглотнул, вид поражал и угнетал. Особенно после низких построек родной планеты и провинций Тайлы, куда они обычно доставляли груз. Гротенбург, сердце систе-

² *Mare argenteus* (лат.) Серебряное море

мы Rex, предстал во всей мощи. Тысячи высотных зданий, с сотнями заводов, мастерских, лабораторий, фирм, университетов. Именно здесь создавалось самое изощренное оружие, что существовало в четырех заселенных человеком системах. В Гротенбурге чеканилась драгоценная валюта планеты Тайлы: золотые короли и серебряные принцы.

– Впечатляет? – спросил Теодор у Кирилла и еще двух пленников. – Люди вроде вас видят эту красоту единожды. Так что наслаждайтесь.

Он засмеялся и нажал несколько клавиш на сенсорном пульте, торчащем из крыши на тонкой белой ножке. Кусок крыши растаял, открывая широкую мраморную лестницу в десяток ступенек.

Теодор пошел первым. Кириллу очень хотелось спустить его по лестнице ударом ноги, но он понимал, что это будет последний поступок в жизни. А так была надежда, что власти во всем разберутся и его отпустят.

Они оказались в небольшом помещении с четырьмя кабинками лифтов. Матовые широкие створки блестели темным серебром.

– Камера минус шесть-семнадцать, – бросил Теодор солдатам, потом с прищуром посмотрел на пленников: – Зайду к вам после ужина.

Затем он зашел в лифт и умчался на нем в одиночестве. Стоило Теодору скрыться, как Кирилл обратился к солдатам:

– Ребята, а вы знаете, за что нас?

Ответом был удар прикладом между лопаток. Громов хэкнул больше от досады и неожиданности, чем от боли.

– Заткнись, – рыкнул солдат, загоняя пленников в грузовой лифт.

Кабина понеслась вниз с такой скоростью, что желудок беспокойно заворочался даже у опытного звездолетчика Кирилла.

Спустившись на двести двенадцать этажей, пленники оказались в светлом помещении с двумя лифтами и четырьмя дверьми с непонятными символами. Видимо, лифтовые шахты были далеко не строго вертикальными, и Теодор сейчас находился в совсем другой части здания.

За столом в помещении сидел грузный мужчина. Перед ним лежал большой планшетный компьютер и два пистолета.

– Куда? – спросил он, меланхолично посмотрев на солдат. Пленников он не удостоил даже таким взглядом.

– Минус шесть-семнадцать.

– Только вчера освободили, – покачал головой вахтер и провел пальцем по экрану.

Щелкнул электрический замок и крайняя дверь открылась. За ней их встретили еще двое солдат. Один держал в руках универсальный автомат, второй сидел за стационарной пушкой, напоминающей оборонительный пулемет. «Зачем столько кордонов? – с удивлением подумал Кирилл. – Словно армию сдерживают».

На середине коридора все солдаты подняли забрала и по очереди подошли к прибору, считывающему сетчатку глаза. После этого дежуривший на пушке боец спросил:

– Куда?

«Раскудахтались», – скривил губы Кирилл. Глаза его бежали по помещению, запоминая каждую мелочь. Громов еще не попал в тюрьму, а уже думал о побеге.

– Минус шесть-семнадцать, – повторил все тот же солдат, видимо, старший в группе.

Там, где только что была сплошная белая стена, появился широкий проем. Процессия зашла внутрь, и командующий набрал на панели: «6».

Этот лифт опустил их еще на шесть этажей под землю. Створки открылись, здешний воздух наполнился густым страхом и женскими воплями.

Перед пленниками открылся длинный широкий коридор с полсотней мощных металлических дверей. В каждой было небольшое зарешеченное окошко. Посреди коридора стоял низкий мужчина с желтовато-серой кожей, на полу лежали две женщины и громко рыдали.

Солдаты остановились. Мужчина ударил кованым носком ботинка одну из женщин в бок и повернул голову к вновь прибывшим. Желто-серое лицо покрывала редкая, черная шерсть, которая медленно исчезала, словно втягиваясь обратно в кожу. Глаза мучителя были полностью черные – без белков и радужки. От этого невозможно было понять, на ко-

го он смотрит.

– Кто это? – вздрогнув, спросил Кирилл.

– Эгон Шульц, – шепнул один из пленников. – Лучше не смотри – можешь оказаться на их месте.

– Куда идем? – спросил Эгон рычащим голосом, когда вся шерсть на лице исчезла.

– В семнадцатую камеру, – заикаясь, ответил старшина. От уверенного самодовольного мужчины не осталось и намека.

– Я хочу, чтобы каждый из вас ударил этих сук, – кивая на лежащих женщин, сказал Шульц. В больших, ярко-черных глазах невозможно было прочесть ни единой эмоции. От этого становилось еще страшнее.

Кирилл присмотрелся к пленницам. В изорванной одежде, с разбитым в кровь лицом, они едва дышали. Даже сквозь маску страданий и боли, Кирилл рассмотрел их красоту и молодость – обеим исполнилось не больше тридцати.

– Угощайтесь, – махнув рукой, произнес Эгон.

Первыми по женщинам прошлись солдаты. Шульц стоял в стороне и одобрительно кивал. Одна из женщин свернулась клубком, пытаясь закрыть лицо и бока, другая потеряла сознание.

Первый пленник повторил действия солдат и заслужил такой же кивок. Второй замешкался и ударил так, словно пытался разбудить спящего друга.

– Еще раз! – гневно рыкнул Эгон, на лице появились ко-

роткие волоски.

Парень задрожал и впечатал в мягкое нежное тело каблук. Громов услышал хруст треснувшей косточки и до скрипа стиснул зубы. Злость на садиста, действующего чужими руками, заполнила все мысли.

Кирилл шагнул мимо женщин и покачал головой.

– Благородный? – захохотал Шульц и подошел вплотную к Громову.

Его смех оборвался так же резко, как и начался. В ту же секунду Кирилл почувствовал ощутимый удар в челюсть. От следующего выпада он увернулся, чем снова развеселил Шульца.

Кирилл занес ногу для удара, и на него тут же навалились четверо солдат.

– Люблю таких, – елеино произнес Эгон, приставляя к животу Громова электрошокер. – Непокорных. Ломать их – одно удовольствие.

Он нажал на кнопку. Кирилл ничего не почувствовал, зато форма за несколько секунд поменяла с десятков цветов.

– О, хамелеончик, – делая подсечку, сказал Эгон.

Кирилл больно ударился лицом об пол, но тут же поднялся на колени. Связанные за спиной руки превращали его в беспомощного котенка. Первый удар окованных ботинок разбил губы и расшатал три зуба, второй повалил на пол.

– Встань, и отдай женщинам должное.

Кирилл покорно поднялся и подошел к мученицам. В этот

раз его нога достигла цели – Шульц схватился за грудь и едва устоял, врезавшись спиной в другого пленника.

С черными глазами, выступившей звериной шерстью, невысокий Шульц походил на лучшего друга дьявола. И это было недалеко от истины. Эгон уже с десятков лет был правой рукой Рекса третьего, его первым помощником во всех грязных делах.

Снова свалив звездолетчика на пол, он начал бить его куда придется.

– Чувствую, с Теодором я разговаривать уже не смогу, – после двадцатого удара прохрипел Кирилл.

– Плевать на Светлячка, – рыкнул Эгон, но лупить Громова перестал. – В камеру его.

Солдаты облегченно вздохнули. Подхватив Кирилла, они бегом бросились к семнадцатой камере. За спиной послышалось два выстрела – мучения женщин прекратились. А трех новых пленников – только начались.

Глава вторая

Солдат снял с Кирилла один наручник и произнес:

– Руки вперед.

Кирилл с трудом вытянул затекшие конечности, на одной из которых болтался толстый браслет на короткой цепочке. Солдат вновь защелкнул наручник на запястье и двинулся к выходу. Тоже проделали и с остальными пленниками.

Прошелестели выдвигающиеся электрические засовы, и заключенные остались без конвоя.

– Пока до тюрьмы доберешься – состариться можно, – сказал мужик лет пятидесяти.

– Или умереть, – глухо добавил Кирилл, сплевывая тягучую кровавую слюну.

– Сам нарвался, – пожал плечами он. – Меня зовут Джон, а это мой сын – Эдд.

Парню было не больше двадцати лет. Худой, безобидный, с застывшей в глазах обреченностью.

– Кирилл, – представился Громов. – Зато я их так и не ударил.

– Их все равно уже убили, – спокойно произнес Джон, словно говорил о насекомых, а не о двух красивых молодых женщинах. – А ты теперь мучаешься от побоев.

– За что вас? – перевел тему Громов.

– Пытались улететь с планеты. А у нас это запрещено, –

сказал Джон. Потом хмыкнул невесело: – Значит, мы шпионы.

– Куда же вы собирались?

– На Землю. Вы были там? – подал голос Эдд. – Я много про нее читал.

Кирилл покачал головой и медленно подошел к умывальнику. Ноги хоть и болели, слушались хорошо. Форма начальника безопасности спасла от переломов. Кирилл вымыл руки и набрал пригоршню воды. Цепь звякала при каждом движении. Прополоскав рот и смыв с лица кровь, Громов вернулся на пластиковую кушетку.

– Почему они не сняли с меня форму? – спросил он, особо не надеясь на ответ.

– Либо скоро отпустят, либо убьют. Не хотят возиться с такими мелочами.

– Такое ощущение, что ты здесь не первый раз.

– Я работал в подобном заведении в провинции. У меня даже был доступ к трем космическим кораблям.

– Ты звездолетчик?

– Я ремонтник. Был.

– Как же вы собирались лететь? – удивился Кирилл.

– Когда нас перехватили, капитан пустил себе пулю в голову.

– Да-а, с него спрос был бы самый большой.

– Мы знали, на что идем, – перебил их Эдд. – Лучше умереть, чем всю жизнь бояться сказать лишнее слово.

«Пытается быть смелым», – подумал Кирилл, а вслух поддел парня:

– Что же ты не присоединился к капитану?

– Я еще надеюсь выбраться, – глухо ответил Эдд.

– А я с самого начала знал, что это глупая затея.

Эдд посмотрел на отца так, словно видел его впервые. Джон вытянулся на кушетке.

– Не мы первые, не мы последние, – закончил он и отвернулся лицом к стене.

В камере наступило долгое молчание. Кирилл осмотрел помещение. Умывальник, туалет, три кушетки. Ровные стены, переходящие в низкий, отделанный пластиковыми планками потолок. Не сантиметра лишней площади. Прямо как в каюте на корабле. Мысли о родном судне навеяли грусть. Придется ли ему еще когда-нибудь увидеть бесконечную черноту космоса с мерцанием звезд и туманностей?

Теодор пришел часа через три. Джон тихо посапывал, Эдд безучастно рассматривал потолок.

– Ты обещал зайти после ужина.

– Не переживай, я поел вкусно и основательно, – расплылся в улыбке Теодор. – Могу провести с вами всю ночь.

– Хоть нескучно будет.

– В этом не сомневайся.

Теодор присмотрелся к разбитым губам Громова и спросил:

– Кому успела не понравиться твоя улыбка?

– Он называет тебя Светлячком, – смиренно ответил Кирилл. – Шерстяной ублюдок.

– Познакомились со стариной Эгоном? – удивленно приподнял брови Теодор. – Странно, что камера не залита кровью по колено.

– Впиталась, – криво усмехнулся Громов.

– Я называю его Каином, но речь сейчас не о нем. А о вас. И ваших целях.

– Ты не боишься, что мы сейчас набросимся и убьем тебя? – вкрадчиво спросил Громов.

– Боюсь, – признался Светлячок. – Всегда боюсь. Потому за дверью стоит четверо бойцов и тюремщик, а у меня есть оружие даже в носках и галстуке.

Кирилл сел на кушетку с ногами. При желании он мог допрыгнуть до Теодора и вбить его самодовольную улыбочку в глотку вместе с зубами. Но что делать дальше, Кирилл не знал. Потому решил подождать.

Светлячок одернул спортивный пиджак и сел на внесенный тюремщиком стул. Дверь в камеру осталась открытой, а в руках Теодора появилось два пистолета. Он протянул левую руку в сторону Джона и нажал курок. Пуля со смачным шлепком ударила в спину, и ремонтник проснулся с диким вскриком.

– Повезло, – улыбнулся Теодор. – Всегда забываю, какой из них боевой, а какой травматический.

Светлячок перевел пистолет на вскочившего от страха Эд-

да и выстрелил ему в грудь.

– Сядь, мальчик, – мягко попросил он.

Эдд плюхнулся на кушетку и застыл. После первой же боли вся решимость умереть с красивой фразой на устах куда-то исчезла.

– Рассказывайте.

– Вы же все знаете, – устало проговорил Джон и тут же схлопотал еще одну резиновую пулю.

– Я сказал рассказывать. Куда собирались лететь и зачем? Как уговорили капитана? Кто вам за это заплатил?

Превозмогая боль, Джон заговорил:

– Хотели начать новую жизнь на Земле. А капитана уговаривать не пришлось. Весь полет – чисто его затея.

– Я почитал твое досье, – перебил его Теодор. – Такие люди всегда перекладывают вину на мертвых. Сам чистенький, а труп не обидится.

– А зачем ему тогда было стреляться? – оскорбился Джон. – А платить нам некому. Сами захотели улететь. – Помолчав секунду, он добавил: – Запретный плод сладок.

– На Тайле все по-другому. Запретный плод ядовит и смертелен. Мальчик, тебе есть что добавить?

Эдд покачал головой. Теодор нажал на курок дважды и заорал страшным голосом:

– Может, ты мне все-таки скажешь, зачем вы полетели?!

Эдд взвизгнул от боли и страха. Между ног у него появилось большое мокрое пятно. Трое мужчин поморщились.

– Я... я, – заикаясь, начал Эдд, – хотел... у-увидеть Землю.

– Сходил бы в 3D планетарий, – оскалился Теодор. – Все ясно, романтики-неудачники. С чего вы взяли, что вы там кому-то нужны? Лучше, чем на Тайле нигде не живут. А что скажешь ты, Громов? Как там на планете Spes³?

– Не так роскошно, зато добрее, – пожал плечами Кирилл.

– Может, у вас еще спецслужб и разведки нет?

– Везде, наверное, есть. Простых людей в это не посвящают.

– Ты в своей форме, как черепаха в панцире. Но я могу выстрелить и в голову, – спокойно произнес Теодор. – Ты меня своей «простотой» не морочь. Разбираешься в технике, владеешь техниками боя, не раз прилетал на Тайлу – идеальный разведчик.

От такой характеристики Кирилл открыл и закрыл рот, так и не произнеся ни слова. Он с ужасом осознал, что его подставили. Подкинули псам Рекса дезинформацию, выгораживая настоящего агента.

– И что же я мог узнать, заведую безопасностью полета? – нашелся наконец Кирилл.

– Вот ты мне и расскажи. Иначе передам в ведомство Шульца.

– Ничего. Тем более мы летели в провинцию – куда и всегда. Сгрузили бы товар, а завтра вечером летели бы домой.

³ Spes (лат.) Надежда

Теодор, здесь произошла ошибка.

Светлячок покачал головой и произнес:

– Источник безупречен. Я бы в свою очередь кормил бы тебя дезинформацией, но Рекс так нетерпелив, что не захотел об этом и слушать.

– Не получилось бы.

– Почему? – нахмурился Теодор.

– Завтра я улечел бы домой, так никогда и не догадавшись, что меня считали агентом.

– Расскажи, зачем ты здесь, и станешь нашим агентом. Это единственный способ обрести свободу.

– Зачем я здесь – я уже рассказал. А про агента... можно подумать? Утро вечера мудренее.

Теодор встал и пошел к выходу.

– Можешь их не кормить, – бросил он тюремщику. – Нечего еду переводить. – Затем посмотрел через плечо на Громова и подмигнул. – На голодный желудок лучше думается.

Кирилл крутился на жесткой кушетке и никак не мог принять решение. Тщательный осмотр камеры еще раз доказал – выбраться своими силами невозможно. А просить помощи у Джона или Эдда... проще попросить ее у кушетки.

Громов встал и заходил по тесному пластиковому мешку. Воздух пах кислой мочой Эдда, несмотря на то, что парень выстирал одежду в умывальнике.

«Что делать? – думал Кирилл. – Говорить правду, обрекая себя на неминуемую смерть? Или принять роль, которую ему навязывают? Наплести что-нибудь про секретное оружие, страх правительства Spes. – Кирилл уселся на пол. – А не навлеку я так проблемы на целую планету? Хотя обо мне никто не подумал».

В том, что наводку на него сделало именно правительство родной планеты, Громов был уверен. Врагов у него не было, понятие конкуренции в торговле с Тайлой не рассматривалось. «Ладно, – решил звездолетчик, – раз меня выставили агентом, я им стану».

Вернувшись на кушетку, Кирилл забылся чутким нервным сном. Через несколько часов он подскочил от звука открываемой двери. Теодор зашел один и прислонился к стене. Увидев красные глаза Кирилла, он хмыкнул:

– Вижу, решение далось нелегко.

Громов кивнул и подошел к умывальнику. Плеснув на лицо пригоршню воды, он повернулся к Светлячку.

– Что я буду должен делать?

Теодор обошелся без победных улыбок.

– Для начала расскажи про истинную цель вашего полета, – сказал он.

– Во всех системах знают, что вы производите самое мощное оружие, – начал Кирилл. – Но также есть предположение, что это ширма для чего-то более страшного и масштабного. Вы сами знаете, Союз трех систем не первый год обес-

покоен вашей растущей жадной власти.

Кирилл показал на Джона и Эдда, как бы спрашивая: «Можно ли при них говорить дальше?» Теодор махнул рукой и сказал:

– Они все равно уже мертвецы.

Громов дернул головой. «Может и мое имя уже вписали в книгу смерти? Сейчас он выслушает мою чушь и с чувством выполненного долга отправит на плаху», – пронеслась неприятная мысль, а вслух Громов продолжил:

– Аналитики решили, что для безопасности центр этих секретных разработок должен быть вдали от столицы. Город Кайзер идеально для этого подходит. Много своих ресурсов, и почти все поставки иридия, платины и гелия-3 со Spes тоже оседают там. Экспорт Кайзера ничтожно мал даже внутри Тайлы.

– Неплохо, – кивнул Теодор. – И как же ты собирался получать информацию?

– По крупнякам, – улыбнулся одними уголками губ Громов. – У рабочих, у жителей, у студентов. Тем более это был далеко не последний полет.

– Большой штат в спецслужбе Spes?

– Крохотный, – качнул головой звездолетчик. – Откуда, если на всей планете три города по сто пятьдесят тысяч человек. И все в основном рабочие и торговцы.

– Да, населения у нас больше в тысячу раз. Впрочем, как и возможностей, – произнес Теодор, отлепляясь от стены. –

Еще успеешь увидеть.

– Надеюсь получить и себе кусочек, – усмехнулся Громов. Играть роль продажного агента с каждой секундой становилось сложнее.

– Слова профессионала. На Тайле преданность покупают либо страхом, либо властью.

Кирилл улыбнулся, показывая, что это ему нравится.

– Тебя переведут в одиночную камеру, пока я проверю несколько своих каналов и улажу все формальности, – сказал Теодор. – Советую вспомнить еще что-нибудь интересное. Вдруг в твоей полезности захочет убедиться наш общий друг Эгон Шульц.

– Смотри что его будет интересовать. Многие сведения я не готов продать даже за свободу. Нужно что-нибудь повесомее.

– Ему такое не скажи, – нахмурился Теодор. – Даже я нервничаю, когда у Каина на лице вырастает шерсть.

Светлячок вышел из камеры, и Кирилл без сил рухнул на кушетку. Нервы были напряжены, словно перетянутые на десять тонов струны. Все тело покрылось испариной. «Этот раунд я выиграл, но что будет дальше?» – подумал Кирилл.

– Так ты правда агент? – спросил Джон, отвлекая от мыслей.

– Теперь двойной, – ответил Громов. – Вас он уже похоронил. Я бы на твоём месте думал об этом.

– Зачем?

– Придумай, чем вы с сыном можете быть полезны. Тогда будете жить.

Открылась дверь и в проеме показался тюремщик.

– Пойдем, – кивнул он Кириллу.

– Желаю удачи, – сказал Громов сокамерникам.

– Прощай, – ответил Джон. Эдд промолчал.

Тюремщик закрыл дверь и показал на камеру напротив. Кириллу очень хотелось вырубить надзирателя и броситься бежать, но двое солдат, дежуривших на разных концах коридора, остудили его пыл.

В новой обители Кирилла исчезли две кушетки, зато появился стол и пара стульев. На полу виднелись следы крови. Через несколько минут тюремщик вернулся с подносом. Вся посуда была из тонкого пластика. Даже при большом желании об нее не смог бы пораниться и ребенок.

Когда тюремщик вышел, Громов с подозрением понюхал похлебку и кусок ржаного хлеба. Запах горячего рисового супа наполнил рот слюной, а желудок заставил сжаться в голодном спазме. Кирилл попробовал похлебку на вкус и, отбросив осторожность, быстро заработал почти плоской ложкой.

Ромашковый чай был отвратителен. Казалось, что вместо цветов заварили старый, окостеневший от грязи носок. Кирилл сделал два глотка и вернул кружку на поднос. Из головы не шли слова Теодора о возможном разговоре с черноглазым мутантом. Хотя почему возможном? Если он теперь

агент правительства Тайлы, то Эгон Шульц – его коллега. А с коллегами нужно делиться опытом.

«Буду гнуть линию секретного оружия, и льстить им страхом других планет», – решил Кирилл. От еды и бессонной ночи его разморило, и он перебрался со стула на кушетку. Попробовав лечь на бок, Кирилл охнул – избиение не прошло даром.

Заняться было нечем, а впереди – полная неизвестность. Кирилл рассудил, что перед нею стоит набраться сил. Выбросив все мысли из головы, он уснул.

В камеру вошел солдат. Из-за массивной черно-серой брони и светящегося забрала он походил на робота-погрузчика.

– На выход, – сказал он.

– Раз я теперь один из вас – сними наручники, – сказал Кирилл.

– Не велено.

– Куда мы идем? И почему Теодор сам не пришел за мной?

– Скоро тебя это не особо будет волновать, – сдержанно ответил солдат. – Пошли. Не заставляй меня стучать тебя прикладом.

– А если я потом окажусь выше тебя? И вспомню...

Солдат расхохотался.

– Это вряд ли.

Первым ударом ноги Кирилл выбил оружие. Универсальный автомат ударился об стену и упал на пол. «Надеюсь, лазерная система не повреждена», – пронеслась мысль. Второй удар пришелся на бронированный подбородок растерявшегося конвоира. Ногу осушило даже сквозь толстый ботинок. Солдат качнулся и рухнул на пол. Не успел он подняться, Кирилл стянул с него шлем и ударил им в макушку. Боец потерял сознание, светлые волосы начали медленно окрашиваться в красный.

Громов подхватил оружие и переключил на импульсный режим. Наручники мешали взять автомат удобно, но двухлетняя боевая спецшкола на Марсе не прошла даром. Кирилл выскочил из камеры, словно черт из табакерки. Сняв тремя импульсами первого охранника, он развернулся на сто восемьдесят градусов.

Второй солдат не дотянулся до тревожной кнопки всего несколько сантиметров. Пробитая рука обвисла, словно плеть. Поймав еще два выстрела, он конвульсивно дернулся и распластался на полу. Из проплавленного доспеха потек запах обугленного мяса.

Из своей коморки выбежал тюремщик. Увидев Кирилла с оружием, он поднял руки и попятился назад.

– Стой! Сними с меня наручники! – приказал недавний заключенный.

– У меня нет ключа, они снимаются отпечатком старшины.

– Кто из них старшина? – показав на мертвых солдат, спросил Громов.

– Никто.

– Иди к моей камере.

Тюремщик послушно потопал к открытой посреди коридора двери. Хозяин автомата по-прежнему лежал в отключке. Кирилл, удерживая оружие одной рукой, не спускал ствола с надзирателя. Тюремщик, под грузом страха и предстоящих проблем, вмиг состарился лет на десять.

Громов приложил большой палец конвоира к наручнику – замок щелкнул, освобождая запястье. Перенеся оружие в другую руку, Кирилл рыкнул на тюремщика:

– Лицом к стене!

Освободив вторую руку, Громов заковал в наручники надзирателя.

– Как отсюда выбраться?

– На лифте...

– Лестница есть?!

– Нет.

– И что? Лифты никогда не отказывают? А на экстренный случай есть запасной выход?

– На минус сороковом этаже есть дорога в бункер... – болтая от страха все подряд, начал тюремщик.

– Мне нужно наверх!

– Запасной лифт... к нему можно попасть из моей комнаты.

– Отпечаток нужен?

– Нет.

Кирилл вышел из камеры и нажатием кнопки закрыл дверь. Заглянув в зарешеченное окошечко, он произнес:

– Скажи Теодору, что я испугался солдата, потому решил сбежать. Понял?

Тюремщик кивнул и скрылся в углу камеры, где Кирилл не мог достать его выстрелом. «Ни дня без убийства», – взглянув на трупы охранников, с неудовольствием подумал он.

Из комнаты тюремщика вело две двери. Одна – на кухню, заставленную продуктами и большими кастрюлями, вторая – в служебный коридор. Видимо, по нему перемещался только обслуживающий персонал. Через этот коридор подвозили еду и выносили трупы. Даже при тусклом освещении Кирилл рассмотрел исцарапанную и потрескавшуюся напольную плитку. «Шаг в сторону, и вся роскошь тает, как мираж в пустыне», – хмыкнул звездолетчик.

Громов проверил боезапас и мысленно поблагодарил своего несостоявшегося конвоира. Пулевая обойма была полной, а аккумулятор разрядился всего лишь на десять процентов. Громов нажал пальцем на левое предплечье рядом с локтевым сгибом, и форма приобрела серовато-белый оттенок. Теперь, когда он вжимался в стену, его выдавали только автомат и черные волосы.

Через тридцать шагов коридор кончался широкими

створками грузового лифта. Кирилл нажал на кнопку и застыл, направив ствол автомата на двери. Пока лифт ехал, Кирилл мог помечтать, как он вознесется на двести двенадцатый этаж, угонит космический корабль, в форсированном режиме покинет пределы планеты и, включив «темный двигатель», нырнет в гиперкоридор.

Створки раскрылись, разрушая иллюзии. На стенке над вводной панелью был указан диапазон движения: «-50 – 0». Кирилл мгновение поколебался и набрал ноль. Кабина стрелой понеслась вверх.

Громов шагнул из лифта, направив ствол на охранника.

– Эй, ты кто? – спросил он.

– Поднял руки и заткнулся, – рыкнул Кирилл.

Он оказался на огромном продуктовом складе с десятком ворот для разгрузки машин. По всему периметру помещения стояли полупустые стеллажи, холодильники или просто мешки с овощами или зерном.

– Когда завоз? – спросил Кирилл.

– Через сорок минут две машины подъедут, – мельком глянув на стол, ответил вахтер.

– Как еще сюда можно попасть?

– Вон дверь...

– Руки не опускать! – предостерег Кирилл.

– Справа от ворот.

– Что за ней?

– Другие служебные помещения и жилье работников.

– Как выбраться из здания?

– Никак.

– Врешь! – уперев автомат в грудь уже немолодого мужчины, прошипел Кирилл.

– Через ворота, по туннелю, – залепетал вахтер, – но там КПП, много солдат.

Кирилл вздохнул, обдумывая план.

– Водители знают тебя в лицо? – спросил он.

Работник склада кивнул.

– Придется нам с тобой сотрудничать, – скривил губы Кирилл. – Я ни в чем не виновен и хочу отсюда выбраться.

– Невинные остаются работать здесь навсегда, – покачал головой вахтер. – Как я.

– Но это же рабство! – пораженно воскликнул Громов.

– Альтернатива одна – смерть, – пожал плечами вахтер. Он заметно расслабился, когда Кирилл опустил автомат. – Вот тебе сколько лет?

– Двадцать шесть.

– Вот и мне столько было, когда меня схватили. Я боялся смерти и надеялся, что выберусь отсюда.

– А потом? – нахмурил лоб Кирилл.

– Потом ничего. Привык.

– Давай сбежим вместе.

– Найдут и убьют.

– Ты и так уже лет двадцать мертв.

– И еще столько же могу им побыть, – дернул плечом вах-

тер. – А тебя сегодня в лучшем случае взорвут, а в худшем – живьем скормят собакам. Но, так или иначе, сегодня.

– Ты не веришь в успех. Вот и боишься.

Работник скривил губы и произнес:

– Хорошо, попробуй. Я не буду мешать.

Кирилл внимательно посмотрел в глаза вахтера. Тот взгляда не отвел. Кирилл очень надеялся, что он не будет пытаться выслужиться перед правительством Тайлы, превратившего его в вечного раба.

– Спасибо, больше ничего не нужно, – сказал Кирилл. – Какие ворота будешь открывать?

– Вторые и шестые.

– Какие ближе к выходу?

– Шестые, – ответил вахтер и махнул рукой в сторону. –

Выход там.

Громов кивнул и пошел осматривать помещение в поисках укрытия. Краем глаза он следил и за вахтером, боясь, что тот просто попытается ловко его провести.

– Во время разгрузки за складом следят через камеры, – предупредил рабочий.

– Учту, – ответил Кирилл, отодвигая от стены ближайший ко вторым воротам стеллаж.

Накидав за него темно-серых мешков с зерном, звездочик спрятался за ними. Не ставя автомат на предохранитель, Кирилл положил его рядом с собой. Нажав на форме кнопку маскировки, он замер.

Через полчаса створки ворот медленно поползли вверх. Почти сразу из них показались прицепы – водители заезжали на склад задом. Кирилл напрягся, ожидая момента, когда можно будет незаметно скользнуть в туннель.

Водители поздоровались с работником склада и открыли грузовики. Опустив плоские пологие трапы, они забрались в небольшие роботы-погрузчики. Вахтер показал, куда складывать провизию для заключенных и работников, и куда – для господ и солдат.

Желто-черные роботы на широких маленьких колесах с шестью клешнями-манипуляторами ныряли в грузовики, чтобы тут же выкатить прямоугольные контейнеры, забитые различными продуктами.

Один из водителей остановился между машиной и убежищем Кирилла и начал что-то спрашивать у вахтера. Громов отметил, что робот как раз прикрывает от взглядов щель, в которую ему нужно было нырнуть. Включив динамичную маскировку, он бесшумно пробежал мимо первых ворот и скользнул между машиной и стеной в туннель. Водители его не засекли. А если кто-то смотрел в камеру, то замеченное движение он запишет на счет дернувшегося робота-погрузчика.

Кирилл вытер выступивший на лбу пот, каждую секунду ожидая сигнала тревоги. Сирены молчали, глаза привыкали к полумраку туннеля. Он был огромен. С одной стороны дорога терялась в сотне шагов за поворотом, с другой тянулась

метров на триста и упиралась в овальное пятно света местного солнца – звезды Либертас. В ширину туннель позволял проехать танковой колонне по четырее.

Громов забрался в кабину грузовика и сполз на коврик между панелью и пассажирским сидением. Теперь его можно было заметить, только заглянув внутрь.

Разгрузка продолжалась еще минут сорок. Водитель залез в кабину с довольной улыбкой. Увидев направленное на него дуло, его улыбка медленно превратилась в истеричный оскал, а глаза расширились от испуга и удивления.

– Не торопись ехать, – сказал Кирилл, глядя, как из шестых ворот выезжает первый водитель. – Как вас проверяют на выходе?

– Сканируют машину тепловизором, осматривают кабину и прицеп, – ответил водитель и судорожно сглотнул, – иногда под кузов заглядывают.

Громов кивнул и сказал:

– Страгивайся. Долго идет проверка?

– Минуту. Иногда больше, если болтать начинают.

Грузовик проехал метров пятьдесят, и Кирилл приказал:

– Тормози. Мотор не глуши.

Водитель остановился и недоуменно посмотрел на Громова.

– А теперь вылезай. Или я тебя пристрелю.

– Можно я останусь заложником?

– Тогда ты станешь соучастником.

– Меня в любом случае отсюда никогда не выпустят, – криво усмехнулся водитель. – Лучше уж стреляй. У меня самого потом духу не хватит.

Кирилл скрипнул зубами.

– Снимай ремень, – сказал он.

– Что?

– Снимай!

Через полминуты водитель сидел со стянутыми собственным ремнем руками. Первый грузовик уже достиг КПП и проходил тщательную проверку.

Кирилл пристегнул ремнем безопасности сначала пленника, затем себя. Выпрыгивающую при любом ударе спасательную подушку он отключил.

На машине стояла автоматическая коробка, и Кирилл вжал педаль газа в пол, стоило первому грузовику получить добро на проезд. Неожиданность – вот единственное, на что мог надеяться звездолетчик. В боевой школе часто повторяли: внезапное нападение – половина победы.

Секунды растянулись в вечность, несущийся по туннелю грузовик казался раненой черепахой. Кирилл вцепился в руль, костяшки пальцев побелели от напряжения. До поднятых ворот оставалось полсотни метров, а машина продолжала наращивать скорость.

Солдаты бросились врассыпную. Застрекотали выстрелы, кто-то крикнул:

– Опускай ворота!

Несколько пуль прошили боковые стекла. Один из осколков рассек Кириллу щеку, но он даже не обратил на это внимания. Кабина проскочила сквозь ворота, и тут же беглецов кинуло вперед, но ремни спасли от удара об лобовое стекло. Послышался жуткий скрежет. Грузовик забуксовал, надрывно ревя. Кирилл нажал на кнопку с видом разорванной цепи. На сенсорном дисплее появилась надпись: «Машина находится в движении. Вы уверены, что хотите отцепить кузов?» Кирилл в ярости ударил кулаком по кнопке «Да».

Машина рванула вперед резче прежнего. Кирилл мельком посмотрел в боковое зеркало. Прицеп остался позади, наполовину раздавленный тяжелыми воротами.

Выскочив из туннеля, Кирилл облегченно вздохнул. Шаг к свободе был сделан. Точнее шажок. Самый первый.

Глава третья

– Нужно выбраться из города, – сказал Кирилл, уже в третий раз меняя направление.

– Нас перехватят. Не пройдет и получаса, как над городом будет летать сотня вертушек.

– Такое ощущение, что у вас тут война. Как тебя зовут? Меня Кирилл.

– Жак. Развяжешь руки?

«Француз что ли?» – подумал звездолетчик.

В свете дня Кирилл разглядел водителя получше. Жак был лет на десять старше него. С коротко стриженными темными волосами, мощными руками и усталым лицом с тремя глубокими морщинами через низкий лоб. Кирилл давно заметил, что на Тайле почти у всех людей такие лица, словно их завтра похоронят.

Громов вывернул на узкую, почти безлюдную дорогу и с сомнением посмотрел на руки Жака.

– Мы теперь в одной лодке, – сказал бывший поставщик продовольствия.

– А за выдачу государственного преступника тебя разве не помилуют? – спросил Громов.

Жак прищурился и сказал:

– Это идея. – Затем невесело усмехнулся и ответил: – Нет. Либо оставят работать, либо пристрелят. Но расхаживать по

улицам и рассказывать историю о том, как они оплошали, мне точно не дадут.

Кирилл потянул за конец ремня, освобождая заложника. Жак потер запястья, превращаясь из пленника в соучастника.

– Где в городе можно затаиться? – спросил Громов.

– На грузовике – нигде. Нужно скорее его бросить. Несущаяся без прицепа машина привлекает много внимания. А если спецслужба не поймает нас в течение часа, то будут подключены все жандармы города.

Кирилл заехал в жилой квартал и остановил грузовик.

– Веди, – сказал он. – Я в столице первый раз.

– Для начала тебе не мешало бы переодеться, – покачал головой Жак. – Черная униформа слишком заметна.

– В каких тонах я тебе понравлюсь? – улыбнулся Кирилл. – Помнится, шавки Рекса из группы захвата были в светло-синих доспехах. И с такими же автоматами.

– Синий подошел бы, но где ты хочешь... – начал говорить Жак, и тут же удивленно замолк.

Из грузовика Кирилл вылез уже в светло-синей форме. Автомат висел на нешироком ремне чуть выше живота.

– Прощай, дружище, – хлопнув грузовик по двери, сказал Жак.

«Как это мило», – хотел съязвить звездолетчик, но вспомнив, с какими чувствами покидал космический корабль, промолчал.

– Сколько отсюда до ближайшей провинции с космодромом?

– На Тайле все города строятся рядом с космодромами. А где их нет – это деревни.

– Ну и?

– Километров десять по Гротенбургу, а потом еще семьдесят через поля и леса до Ламберта.

– До окраины доберемся на такси, – кивнул Кирилл, направившись к дороге.

– А дальше?

– Дальше пешком. Ты же сам говорил, что на машине заметно.

Жак качнул головой и снова открыл грузовик. Кирилл в недоумении приподнял брови. Через минуту француз подошел к нему с небольшой сумкой.

– Там нож, пара кружек, аптечка и всякая полезная мелочь, – пояснил водитель.

– Хорошо, – кивнул Кирилл. – Пригодится.

Они вышли на тротуар, и Жак стал всматриваться в неплотный поток машин. Прохожие косились на автомат Кирилла, но особого беспокойства не проявляли.

Первое такси проехало мимо, вторая машина остановилась, почти прижавшись к высокому темно-серому бордюру. Жак залез в заднюю дверь и отодвинулся вглубь салона, освобождая место Громову. Таксист слегка нахмурился, увидев оружие, но что-то говорить побоялся.

Жак назвал адрес, и машина мягко стронулась. Таксист ехал довольно резво, желая поскорее освободиться от странных пассажиров. Вся езда заняла не больше четверти часа.

– С вас один принц, пожалуйста.

Жак отдал серебряную монетку и поблагодарил таксиста.

Кирилл огляделся. Они стояли около двадцатиэтажного старого дома, за которым начинался пустырь.

– И куда дальше? – спросил звездолетчик.

Жак махнул рукой на глиняно-песочную равнину.

– В паре километров слева есть дорога до Ламберта, но на въезде стоит пост, а по самой трассе ездят патрули.

Кирилл страдальчески скривился и поднял глаза к серо-голубому небу.

– За миграцией между городами следят строго, тем более из столицы и в столицу, – продолжал Жак. – А тебя, без гражданства Тайлы, сразу отвезут в штаб спецслужбы.

Кирилл нажал несколько раз на запястье левой руки, и там появился небольшой матовый дисплей. Включив функцию электронного компаса, Громов выбрал Тайлу из дюжины планет и спутников, отобразившихся в списке.

Застыв, он посмотрел на пиксельную стрелку. Она указывала на пустырь, разрезая его пополам.

– Ламберт точно на севере, – заметил Кирилл. – Хочу осмотреться.

Громов направился к дому, Жак зашагал следом. Лицо его было мрачным. Только сейчас, оправившись от шока, он

осознал, что привычная жизнь за мгновения рассыпалась в прах. И теперь он, законопослушный гражданин Тайлы, обречен бежать неведомо куда за абсолютно незнакомым человеком.

Они поднялись на пятнадцатый этаж и вышли на общий балкон. Кирилл прищурился, всматриваясь вдаль. Глиняно-песчаный пустырь кончался через несколько километров, постепенно покрываясь травой. А через километров десять, по прикидкам Кирилла, начинался лес, казавшийся отсюда густой зеленой кляксой на холсте художника. Над полоской горизонта виднелся серебристо-лиловый Филиус – спутник Тайлы.

Громов глянул по сторонам. Слева была линия серовато-оранжевого асфальта, справа – пустырь с выработанными песочными карьерами.

– Бинокля нет? – кивнув на сумку, с улыбкой спросил Громов.

Жак покачал головой.

– Сколько мы будем идти?

– Один, по знакомой дороге, я дошел бы за два дня, – ответил Кирилл. – А так – не знаю. Пошли проверим.

– А что мы будем есть?

Кирилл нахмурил лоб, расстроенный новой проблемой. Он привык относиться к своему организму, как к совершенной машине. И то, что она тоже нуждается в уходе, совсем вылетело у него из головы.

– Сколько у тебя денег? – спросил звездолетчик. – У меня есть платиновые центы со Spes, но, думаю, расплачиваться ими за продукты будет подозрительно.

– Восемь принцев, – пересчитывая серебряные монеты, ответил Жак. – Королей я на работу не беру.

– Зря, – вздохнул Кирилл.

– Все деньги, наверное, уже разошлись по карманам солдат, которых отправили дежурить в мою квартиру. И все из-за тебя.

– Во-первых, ты сам со мной намылился. А во-вторых, не из-за меня. Меня подставили. Кто-то подкинул дезинформацию, что я тайный агент, – сказал Кирилл, заводясь с каждым словом сильнее, – а я такой же, как и ты дальнобойщик. Только межзвездный. Гелий-3, иридий и платину вам привозил.

– У Рекса третьего политика кассетной бомбы. Мол, лес рубят, щепки летят.

– Диктатор, – покачал головой Кирилл, вызывая лифт.

– Я не уверен, что в той большой тюрьме, которую у нас называют правительством, – сказал Жак, – даже один из десяти пленников виновен.

Громов поморщился, всем видом показывая презрение к трусливым политикам Тайлы.

Они вышли из дома и направились к концу квартала, где должен был быть продовольственный магазин.

– Что брать? – спросил Жак.

– Хлеб, консервы, воду, – пожал плечами Кирилл, – только немного, у меня нет ни сумки, ни рюкзака.

Жак вышел из магазина спустя пять минут с пакетом и раздутой сумкой.

– Пойдем скорее, – забирая пакет, сказал Громов, – пока здесь спокойно.

– Я ел последний раз утром! – возмутился Жак. – Давай немного облегчим нашу ношу.

– Я тоже. Но до ночи останавливаться не будем, нужно пройти хотя бы километров десять-пятнадцать.

– Перекусим на ходу, – кивнул Жак.

– В тюрьме такой ужасный чай, – с улыбкой пожаловался Кирилл, – не хочу больше туда.

– А куда хочешь?

– Вообще, я с удовольствием оказался бы сейчас дома, в десяти парсеках от системы Rex. Но для начала хватит и леса.

Под ногами заскрипел крупный, желто-коричневый песок. Часто он сменялся проплешинами красной, твердой, как камень, глины.

Жак оглядывался каждые несколько минут. С лица не сходило выражения беспокойства.

– Мы здесь как на ладони! – не выдержал он.

– Есть варианты?

Жак покачал головой.

– Может, нас здесь и не подумают искать, – утешил Ки-

рилл.

– Вертолеты, – сказал Жак, словно пророчил конец света, – скоро их поднимут.

– Спрячемся. Знаешь, как страусы делают?

– Кто?

– Птицы такие огромные. У нас на Spes их держат для яиц и мяса. Они когда пугаются, голову в песок прячут.

Жак посмотрел на Кирилла с еще большим беспокойством, словно пытался понять, не сошел ли его спутник с ума. А звездолетчик меж тем вдохновенно продолжал:

– Помню, мать разобьет одно яйцо на сковородку, насыплет специй и жарит минут десять. Запах – по всему дому. Потом поставит сковороду посреди стола и тоже садится. Втроем до отвала лопали, а все равно за один раз съесть не могли.

– Надеюсь, это нам поможет, – скептически заметил Жак. – Против бойцов Рекса.

– Причем здесь они? – с досадой спросил Кирилл. – Если ты не пробовал страусиную яичницу, то, считай, и не жил по-настоящему.

– Теперь у меня появилась цель и смысл жизни.

Они шли, меся песок. Кирилл – мощными ботинками космонавта и начальника безопасности, Жак – легкими кроссовками. Частенько мужчины прикладывались к бутылкам с водой. Несмотря на вечер, Либертас светила довольно жарко.

Сутки на Тайле длились двадцать три часа, зато год – три-

ста восемьдесят один день. Так что период обращения вокруг звезды, и у Земли, и у Тайлы – были равны. По Земному календарю шел две тысячи триста пятидесятый год, но Рекс первый, несмотря на счастливое совпадение, за которое Тайлу называли близняшкой Земли, ввел собственное летоисчисление. Шел девяносто седьмой год от колонизации.

Песок и глина нехотя уступили невысокой мягкой траве. Идти стало легче. Витающая в воздухе пыль сменилась свежим запахом растений. Послышался гул вертолетов, Жак мелко задрожал.

– Ложись! – приказал Кирилл, отбрасывая пакет метров на двадцать в сторону.

Жак послушно распластался на траве. Через мгновение он удивленно крикнул, когда звездолетчик улегся сверху. Автомат больно давил в спину, но что-то спрашивать водитель побоялся.

Вертолет пролетел в полсотни метров над ними. Кирилл поднял глаза, следя за удаляющимся хвостом летающей машины.

– Будем лежать, пока они не вернуться, – сообщил он.

– Нас высматривают, твари, – прокряхтел Жак. – Завтра от флаеров будем прятаться. Если доживем.

– Ты заканчивай со своими пророчествами, – хмыкнул Громов, – а то уже докаркался до вертолетов.

– Я предупреждаю, – хрипло, словно и правда был вороной, парировал Жак. – Может все-таки слезешь с меня?

– Нет, так мягче лежать.

– Теперь я знаю, за что тебя упекли в тюрьму.

– М-м?

– За наглость и цинизм.

– Если бы за это сажали, на свободе остались бы только святые врачи с планеты Кришна.

– Не знаю таких.

– Я тоже, – легко согласился Кирилл, – но слышал. Кончай болтать, мало ли какие у них датчики. Вроде возвращаются.

Жак замолчал. Он даже не пытался посмотреть в небо. Француз чувствовал, как щека полностью переняла рельеф земли и травы. Руки онемели, спину ломило с каждой секундой сильнее.

Только через пять минут после того, как гул вертолета стих, Кирилл сполз с попутчика. Жак с трудом перевернулся на спину, и взглянул на Громова. Звездолетчик, от подошв ботинок до воротника, был зеленым. Только бледное лицо, кисти и черные волосы портили эту цветовую гармонию.

Кирилл подобрал пакет с едой. Парочка жестяных банок слегка помялись, остальное было в порядке.

– Чего разлеся? – спросил он у спутника. – Пойдем.

Жак потер щеку и нехотя поднялся на ноги. Хмуро оглядевшись, он поплелся вслед за Кириллом. Минут десять спустя Громов перешел на легкий бег. Всего в паре километров слева частенько проплывали точки машин, и они не давали звездолетчику покоя. Любая из них могла оказаться патруль-

ной, в которой сидит любопытный парень с биноклем у глаз.

– А ведь тот вахтер со склада, он сейчас мог быть с нами, – вспомнил Кирилл. – На свободе.

– Теперь он и солдаты с КПП – мертвецы, – вздохнул Жак, переходя на тяжелый бег. – Власти Тайлы ошибок не прощают.

Через несколько минут водитель дышал с громким хрипловатым присвистом, напоминающим завывания ураганного ветра в широкой металлической трубе.

– Тише ты! – возвращаясь к быстрому шагу, сказал Кирилл. – Тебя, наверное, в городе слышно.

– Давно... не бегал..., – прерывисто объяснил Жак, – в школе еще.

Громов, который даже не запыхался, не смог сдержать безразличного взгляда. От Жака это не укрылось.

– Я по космосам не летал, спецподготовок не проходил, – обиженно сказал он. Дальше его понесло: – Если хочешь, беги один. Когда меня сделали поставщиком правительственного склада, я сразу понял, что подобное должно случиться. На Тайле это вопрос времени. Я и так задержался – шесть лет отработал. Хотя при мне успели появиться и исчезнуть еще четыре водителя.

– Пойдем, – мягко сказал Кирилл. – Лес уже близко. Отдохнем, перекусим. – Помолчав, он добавил: – Я всегда знал, что ничего не может быть страшнее, чем варвары с высокими технологиями. Издеваются над целой планетой, и вроде

все законно... А Союз трех систем только руками разводит. Не начинать же войну, в самом деле...

– А революции не будет, – кивнул Жак. – Большинство живет хорошо, а пропажа людей подается очень грамотно. Частенько это обставляется так, что само же это большинство и отдает «негодяев» на расправу.

– К черту политику, – поморщился, как от неприятного запаха Кирилл, – давай сделаем последний рывок.

Людей отделяло от леса меньше километра. Жак задал темп, а Кирилл под него подстроился. Автомат ударял по животу, пакет тянул руку, но звездолетчик, чувствуя завершение второго шажка к свободе, не обращал на такие мелочи внимания.

Земля стала мягче, травяной ковер – гуще. Беглецы с облегчением вошли в царство толстых стволов и густой листвы. Под сенью деревьев заканчивающийся день потемнел еще сильнее.

– Пройдем немного и сделаем привал, – сказал Кирилл.

– Не заблудиться бы, – разглядывая десятки неотличимых друг от друга деревьев, заметил Жак.

– По компасу пойдем, – подняв левую руку, успокоил Кирилл.

Сумерки окутывали лес, замолкали птицы, запрыгали с ветки на ветку пушистые грызуны, напоминающие Кириллу смесь обезьяны с белкой.

Путники пролезли между кустов с узкой жесткой листвой,

и вышли на поляну с сухой травой.

– Что-то растениям здесь не нравится, – заметил Кирилл. – А вот мы – остановимся.

Жак с облегчением опустился на землю. Отвинтив крышку, он жадно припал к бутылке с водой. Громов несколько раз обошел поляну кругом, справил на дальний куст нужду и вернулся к подкинутому судьбой попутчику.

Кирилл вскрыл банку рыбных консервов и две пластиковые чашки с самоподогревающимся супом. Передав одну Жаку, он в задумчивости осмотрел упаковку. Одноразовой ложки нигде не было.

Француз залез в сумку и достал две алюминиевые ложки. Протерев их пальцами, он протянул одну из них спутнику.

– Зачем тебе две ложки? – с подозрением спросил Кирилл.

– Запасная, – легко ответил Жак. – Да и товарищи-дальнобойщики частенько приборы забывали.

Он с ностальгией вздохнул. Прошлая жизнь, в которой ровная магистраль и попутные закусовые были главным счастьем, отошла на второй план, подернулась туманом новых событий и потрясений.

Мужчины с жадностью выхлебали жидкий, питательный суп. Маслянистую подливку рыбных консервов вычистили хлебом до последней капли.

– Может еще? – блаженно потягиваясь, спросил Жак.

– А потом? Акридами питаться будем?

– До деревни дойдем, там еды купим.

– На Тайле деревни из двадцатого века, что ли? – с кислой улыбкой спросил Кирилл. – Без связи, без жандармов...

Жак резко сел и испуганно посмотрел на звездолетчика.

– Нам нигде не будет покоя, – обреченно сказал он. – Мы вечные беглецы.

– Да не пугайся ты так. Здесь нас точно не обнаружат.

– Если не решат взорвать тут все к чертям.

Кирилл скептически скривился.

– У Рекса и его собачонок лапы длинные, но не бесконечные. Есть места, где мы будем в безопасности.

– И где же они? В этом лесу?

– Солнечная система, Ганга, Mare Argenteus. Во всех трех системах нам с легкостью предоставят убежище. В крайнем случае, можно поменять имя и внешность.

Жак потрогал лицо, словно пытался навсегда запечатлеть в памяти привычные черты. Сделав пару глотков воды, он снова растянулся на земле. Сумка приобрела статус подушки.

– Во сколько у вас светает? – спросил Кирилл.

– Часов в пять.

Кирилл посмотрел на часы – десять вечера. Оглядев уставшего Жака, он произнес:

– Четыре часа на сон тебе, три – мне. Я дежурю первым.

Француз угукнул и, кажется, сразу уснул. Кирилл включил подствольный фонарь на минимальную мощность и еще

раз обошел поляну. Он зашел за кусты в поисках какого-нибудь бревна или толстой ветки. Не найдя ничего подходящего, Кирилл вернулся и уселся прямо на землю. Выключив фонарь, он стал вглядываться в темноту под ровное дыхание Жака.

Ночь полностью укрыла окрестности Гротенбурга. Далекие башни-здания, мерцая сотнями огней, устремлялись в темное небо, заслоняя собой свет звезд.

Громов различал тихие шорохи за кустами, пересвист ночных птиц и уханье местных сов. Хотя возможно, что их привезла с собой одна из пяти «волн» колонистов с Земли.

Каждые четверть часа Громов обходил кругом поляну, прогоняя обволакивающую дремоту. Жак во сне свернулся калачиком, и теперь походил на младенца великана.

К середине ночи серебристо-лиловый Филиус начал отливать фиолетовым. Сын Тайлы развлекался на свой манер. Спутник сделал по горизонту четверть оборота и поплыл обратно.

Подал сигнал таймер, возвещая, что четыре часа прошло. Кирилл грубо разбудил Жака и приказал:

– Попей, походи, чтобы проснуться. Будут проблемы – буди.

Жак поднялся и на ватных ногах сделал несколько шагов. Затем уселся на землю, свесил голову на грудь и безвольно задремал. Кирилл этого не видел, он уже спал. Два года жизни в спецшколе на Марсе и постоянные перелеты научили

вырубаться мгновенно, если все решения можно было отложить до пробуждения.

Громову показалось, что он спал несколько минут.

– Там звери какие-то, – теребя Кирилла за плечо, громким шепотом сообщил Жак. Глаза у него при этом были распахнуты, как у филина.

– У меня не было никаких зверей, – сонно ответил Громов, хотя руки уже взяли автомат и включили подствольный фонарь.

Из кустов показалось три пары зеленых глаз.

– Рассветные волки! – крикнул Жак, выхватывая из сумки нож.

Кирилл нажал на курок. В тот же миг ближайший волк издал протяжный вой-визг. Запахло паленой шерстью и горелым мясом. Ветки куста опали горсткой пепла. Волк на нетвердых лапах развернулся и сразу упал, мертвый. Двое собратьев галопом помчались прочь от самого чудовищного зверя – человека. Непредсказуемого зверя, который умеет убивать на расстоянии.

Громов посмотрел на таймер – до сигнала оставалось полчаса. Вдохнув, он уменьшил мощность фонаря до минимума.

– Принеси тушу, – сказал Громов Жаку.

– Я? – удивился француз.

– Не бойся, я тебя прикрою.

Жак, выставив вперед нож, шагнул в кусты. Рассветный

волк лежал на боку. Лазерный импульс прошел его наискось. Войдя в лопатку, он вышел недалеко от задней ноги. Зеленые глаза потухли, превратившись в черные угольки.

Жак выволок труп на поляну, и Кирилл направил фонарь на зверя. Волк оправдывал свое название. Он словно был вестником предрассветных сумерек: темная серая шерсть отливала далеким, едва заметным лилово-оранжевым цветом восхода. И охотились такие волки всегда незадолго до рассвета, когда мир находится в самом глубоком сне.

– И что с ним делать? – спросил Жак.

– Нужно его похоронить, – серьезно ответил Кирилл. – И сварганить гранитный памятник.

– Они будут мстить, – пропустив колкость мимо ушей, сообщил Жак. – У них сильная сплоченность и есть зачатки разума.

– Слушай, ворона, – не выдержал Кирилл. – С флаеров нас ищут, лес взрывают, волки нам мстят... как мы вообще еще живы?

Жак обиженно промолчал. Звездолетчик потянулся, крутанулся из стороны в сторону – суставы негромко хрустнули.

– Как не смешно, последний раз я нормально спал в космосе, – пожаловался он. – Пойдем. Нам нужно за день пересечь лес. Потом отдохнем часок-другой, и двинем по полю ночью.

– Ноги бы не переломать по темноте.

– Иди за мной шаг в шаг, – откликнулся Громов, вешая

автомат на шею. – Меняемся. Давай сумку мне, а ты бери пакет.

Спутники покинули поляну. Под деревьями темнота стала гуще, ветки норовили выколоть глаза, а трава – скрыть ямы и кочки. Кирилл шагал осторожно, словно пробирался по топкому болоту. Жак топал сзади, до одури всматриваясь в землю. От напряжения и недосыпа болели глаза.

Когда Кирилл сбивался с выбранного направления, компас начинал предупреждающе попискивать. Лес медленно, неохотно светлел. Даже без фонаря Кирилл теперь мог разглядеть деревья в пяти шагах, а не задевать их плечами, как слепой котенок.

Послышалось угрожающее рычание. Перед людьми загорелось не меньше десятка пар зеленых глаз. Жак бросил пакет на землю и прошептал:

– Дай мне хотя бы нож.

Громов, не глядя, протянул сумку назад. Звездолетчик судорожно соображал, стоит ли переключать автомат на объединенный режим, когда сила лазерного импульса подтверждается свинцовой пулей. С одной стороны звуки выстрелов довольно громки, чтобы их услышать даже за несколько километров, с другой – они достаточно глубоко в лесу, где деревья могли бескорыстно послужить многослойным глушителем.

Тройка рассветных волков сделала короткие шажки и припала задом к земле, готовясь к прыжку. Кирилл, не до-

жидаясь атаки, открыл огонь. Лазер прожаривал зверей насквозь, свинец добивал, звук отпугнул несколько трусливых волков.

Звери окружали, нападали с трех сторон. Жак встретил волка длинным ножом. Животное затрепыхалось, еще сильнее насаживаясь, словно заяц на вертел, на острие. Кириллу все труднее было стрелять прицельно – сказывалось численное превосходство и ловкость хищников. В основном звездочетик отстреливал зверей, нападающих на него. Несколько раз его кусали за ноги и плечи, но форма выдерживала зубы хищников. Когда ситуация стала критической, Громов вырубил пули и включил лазер на непрерывный режим излучения. Он решил, что сейчас не время экономить заряд аккумулятора. Нужно суметь выжить.

Еще один волк прыгнул на Жака с левого бока. Француз в испуге выставил руку, и зверь ухватился разъяренной пастью за кисть. Жак высвободил залитый по рукоять кровью нож из туши другого волка и, сопровождая все диким криком боли, вонзил его в нового врага. Металл прошил толстую шкуру, задел шейный позвонок и глубоко погрузился в плоть животного. Волк взвизгнул и разжал пасть, оставив на месте мизинца и безымянного пальцев два кровоточащих обрубка.

Кирилл добил последнего волка и обессилено опустился на землю. Увидев рану Жака, он вскочил и подхватил сумку. В ход пошла аптечка.

Жак смотрел на руку стеклянными невидящими глазами.

Шок был глубоким и отупляющим. Кирилл продезинфицировал рану, остановил кровь и крепко забинтовал всю кисть. Дважды Громов пытался заговорить с ним, но француз не реагировал, полностью выпав из реальности.

Через несколько минут, видя, что Жак не собирается приходить в себя, Кирилл заорал:

– Жак трехпалый! С пальцами или без, нам нужно идти! Подъем!

Жак встал и посмотрел на спутника, в глазах начал появляться огонек мысли. Кирилл поднял нож и двинулся к парочке еще трепыхающихся волков. Экономя энергию и патроны, звездолетчик добил зверей двумя резкими ударами. Черный от запекшейся крови нож вновь стал красным.

Рассвет начал перерастать в утро, словно умирая вместе со своими детьми. Кирилл выпил почти поллитра воды и протянул бутылку Жаку. Тот поднял левую руку и тут же отдернул ее.

– Да не переживай ты так, – поморщился Кирилл. – В любом медицинском центре тебе поставят такие манипуляторы, что сам захочешь отрубить все остальные пальцы.

Жак едва заметно пожал плечами и осушил бутылку. Кирилл бросил ее в пакет и посмотрел на индикатор автомата. В магазине осталось сорок патронов, в аккумуляторе – чуть больше половины заряда.

Лес посветлел. Закричали, зачирикали, защебетали птицы. Проснулись мелкие и крупные животные. Большинство

из них шугалось людей, некоторые – игнорировали.

– Какие хищники тут водятся? – спросил Кирилл, когда заметил мелькнувшую за деревьями тень.

– Из крупных – только рассветные волки, – нехотя ответил Жак. – Здесь они короли.

– Безобидны леса Тайлы, – констатировал Кирилл. – В отличие от городов.

Жак явно был не согласен с Грозовым, но говорить ничего не стал.

Дрожали от ветра ветви, покачивалась листва. Звезда Либертас с любопытством разглядывала землю сквозь кроны деревьев. Серебристо-лиловый Филиус таял на глазах, превращаясь в крошечное белое облачко.

Кирилл остановился и присвистнул. Путь преграждал бурелом в два человеческих роста. Казалось, что лес выстроил посреди себя стену. Кирилл посмотрел влево и вправо. Нагромождение веток и стволов тянулось на сколько хватало глаз. Затем оно терялось среди листвы кустов и молодых деревьев. Громов перекрутил ремень так, чтобы автомат оказался сзади, и сделал первый шаг на покрытый густым темно-зеленым мхом ствол.

– Я не полезу, – глухо сказал Жак. – Обойду лучше.

– Ты чего? Я тебе помогу, – опешил Кирилл. – На обход может уйти много времени.

– А куда нам торопиться? – скривился Жак.

– Хочешь снова ночевать в лесу? Я не уверен, что мы пе-

ребили всех волков.

Этот довод сработал. Жак вздохнул и закарабкался следом за Кириллом. Громов вбивал ноги в крепких ботинках между сросшихся стволов, впивался пальцами в шершавую ото мха кору. Когда он почти достиг вершины, бурелом угрожающе закачался. Кирилл замер, боясь похоронить под нагромождением веток и стволов француза, едва поднявшегося на полметра. Увечье сильно ему мешало.

Жак втыкал в деревья нож и подтягивался на нем, помогая ногами и раненой рукой. Когда он забрался на метр, Кирилл ухватил его за запястье и втащил на верхушку бурелома. Прогнившая ветвь под Громовым превратилась в труху, и он кувыркнулся назад. Ударившись головой об торчащее поперек бревно, Кирилл застыл. Падение закончилось, едва начавшись. С этой стороны бурелом был ниже и более привычным на вид.

В хаосе изломанного леса прослеживалась какая-то безумная упорядоченность. Словно бы лесные великаны решили здесь сыграть в крестики-нолики. И за неимением бумаги и чернил использовали стволы и ветви.

Жак спрыгнул рядом с попутчиком. Кирилл сел и потер затылок.

– Ненавижу леса, – буркнул он. – Ни на Марсе, ни на Spes в них толком не бывал.

В следующую секунду он встал и поморщился. В том месте, где в него впечатался автомат, спина сильно заныла.

Тело сразу вспомнило недавние побои, устроенные Эгоном Шульцем.

– Я теперь тоже их не люблю, – глухим голосом признался француз.

Компас пищал, требуя вернуться на заданное направление. Громов вытер руки об листву и уселся на гладкий, серо-коричневый ствол.

– Завтрак, – объяснил он. – Да и передохнуть не мешало бы.

Жак взял нож тремя пальцами забинтованной руки и протер его широким листом ближайшего куста. Внимательно осмотрев лезвие, он отдал нож Кириллу.

Звездолетчик нарезал хлеб и вспорол две широкие банки с тушеной олениной. Съев пару кусочков, он спросил:

– Откуда на Тайле олени?

– С Земли, – ответил Жак. – Земная флора и фауна хорошо прижились на Тайле. Особенно на фермах и в питомниках.

– Не-е, у нас с Земли только страусы да коровы. Очень мало хорошей почвы, кругом камень. Пастбищ нет, все занято под поля для прокорма людей и этой нехитрой скотины.

– А кислород тогда откуда? – удивился Жак. – Даже я знаю, что на Spes нет океана с его живительным планктоном.

– Искусственные леса. Точнее, посаженные людьми. С одним-единственным видом деревьев. Мултумоксигениумами.

– Мултум... кто? – сморщив лоб, переспросил Жак.

– Мултумоксигениум, – засмеялся Кирилл. – Порода деревьев с мощными стометровыми стволами. Растут на любой почве. Корнями пробивают даже камень. Но главное их достоинство – огромное количество выделяемого кислорода. Эвкалипты и тополи просто младенцы по сравнению с этой живой кислородной фабрикой. – Кирилл проглотил последний кусок оленины и начал вымазывать банку хлебом. – Генетики и селекционеры потрудились на славу, создавая эти деревья.

– Давно дело было? – вяло поинтересовался Жак.

– Лет сто назад. Когда на Spes нашли рудники с платиной, иридием и гелием-3, сразу встала проблема улучшения ее атмосферы. А проводить семидесятилетнюю операцию, как это было с Марсом, никто не хотел. Да и не окупилось бы это никогда.

– Ну да, ну да, – хмыкнул Жак. – Сосед хоть и плохонький, все равно сосед. А тут...

– А тут восемь парсеков между Солнечной системы и Mare argenteus.

– У нас почти не осталось воды, – перевел тему Жак.

– Еды тоже, – бодро заметил Кирилл и встал. – Как рука?

– Пальцы еще не отросли, – иронично ответил француз, – а в остальном нормально.

– А насчет жратвы все легко и сложно, – пожал плечами звездолетчик. – Птицу-то я подстрелю, но как ее готовить? Дым над лесом – штука заметная.

– Может, они про нас забыли? – с надеждой спросил Жак.

– Тебе виднее. Ты на Тайле родился.

– Нет, – сам ответил водитель грузовика, – не забудут, пока мы не умрем или не окажемся в плену.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал Кирилл. – А сейчас – пойдём.

Глава четвертая

Лес стал редеть, когда до ночи оставалась еще пара часов. Деревья пошли сплошь молодые, но уже с пушистыми раскидистыми кронами. Крупная живность еще не облюбовала эти места, и рощу наполняли только кузнечики и редкие залетные птички, напоминающие сильно располневших воробьев.

Жак без сил рухнул на ковер из травы и опавшей листвы. Достав из сумки бутылку, он с жадностью к ней припал.

– Не усердствуй, – предупредил Кирилл. – Вода-то сырая. Мы такую, наверное, вообще никогда не пили. Всегда очищенную да с нужными солями и витаминами.

– Какой ты непостоянный, – хрипло засмеявшись, сказал Жак. – То автоматом в морду тычешь, то за желудок переживаешь.

– Пристрелить тебя что ли, – задумчиво произнес Кирилл. – Чтоб не вякал.

– И не мучился, – в тон ему добавил француз.

– Спим по два часа, и в путь.

– Почему нельзя выспаться нормально? – зло спросил Жак. От усталости, недосыпа и ранения он стал нервным, и накидывался на каждую фразу, словно бык на красную тряпку.

– Первый закон ухода от погони, – спокойно ответил Ки-

рилл, – чем быстрее и дальше уходишь от места плена, тем в большей ты безопасности. Второй закон: не оставляй следов. Третий – беги туда, где тебя ждут меньше всего.

– На Тайле ждут везде, – проворчал Жак, – с распростертыми объятьями.

– Но не больше, чем в столице. Все, спи давай. Время пошло.

Жак словно нажал кнопку. Почти мгновенно к звукам леса добавилось его убаюкивающее посапывание.

Кирилл умыл лицо холодной водой – сон немного отступил. Им повезло, что по дороге попался родник. Вода отдавала солью, но в остальном была пригодна для питья. Громов надеялся, что вечер не принесет проблем, но спать, даже в полглаза, боялся.

Два часа тянулись невыносимо долго. Но сидеть все же было лучше, чем пробираться через чащу леса. Кирилл вспомнил проделанный путь и с ясностью понял, что без компаса они блуждали бы среди живого лабиринта еще несколько дней.

Снова день темнел под пристальным взглядом Филиуса. Либертас почти полностью скрылась, оставив над горизонтом только багрово-красную корону, словно напоминая о собственном величии.

Запищал таймер. Кирилл подскочил на ноги и больно ударился головой об нижнюю ветку дерева. Все-таки он тоже уснул. Когда ощущение опасности отступает, а смерть не ма-

ячит перед глазами, словно назойливая муха, тело начинает брать свое. Мол, раз уж мы живем дальше, то неплохо бы было и спать нормально.

Громов умылся, сделал пару глотков и, чтобы не тратить время, вылил немного воды Жаку на лицо.

Экс-водитель зачертыхался и закашлял – вода попала в нос.

– Спать не надоело? – сухо поинтересовался Громов. – Пойдем уже.

– А ты? – размазывая воду по лицу, удивленно спросил Жак.

– На ходу выплюсь. Вставай.

Француз прищурил покрасневшие глаза, отчего огромные лиловые мешки под ними мелко задрожали.

– Спал, небось, крепче моего, – наконец сказал он.

Кирилл неопределенно повел плечами и двинулся вперед. Через полчаса темнота накрыла столичные окрестности полностью. Теперь и Жак, и деревья и трава стали одного цвета – серо-черного.

Филиус и далекие звезды лениво, без всякого старания, подсвечивали ночным путникам дорогу. Кирилл и Жак шли, не таясь. Сзади был лес, впереди и справа – многокилометровая равнина, а в паре километров слева – дорога. Редкие машины угадывались только по тусклым точкам горящих фар. Раз в час проезжал патрульный джип с прожектором на крыше. Часто они выключали освещение полностью, осмат-

ривая окрестности на предмет костров, пожаров и фонарей.

Спутники двигались быстрым шагом. Часа через полтора впереди замаячили редкие огоньки.

– Деревня, – выдохнул Жак. – Как обходить будем?

– Вдоль забора, – проворчал Кирилл.

Огни гасли. Даже самые отчаянные полуночники ложились спать. Когда Кирилл и Жак подошли вплотную, все коттеджи погрузились в сон. На каждый десяток домов в поселении стоял один-единственный фонарь с приглушенным желто-оранжевым светом. Видимо, ночные прогулки в сельской местности были не в моде.

Путники двинулись вдоль крайних домов, стараясь оставаться все время в тени. На другой стороне поселения, поодаль от домов, вытянула длинное тело одноэтажная птицеферма. Из нее раздавалось сонное кудахтанье тысяч заключенных в душной темноте птиц.

– Нам туда, – шепнул Кирилл. – Забираться в магазин рискованно. Там либо сигнализация, либо камеры. Или вообще придется охранника валить.

Услышав про убийство, хотевший возразить Жак прикусил язык. Валить никого не хотелось. Тем более самому.

Несколько раз на дальних улицах проходили люди. Беглецы инстинктивно замирали, хотя знали, что заметить их практически невозможно.

Замок на птицеферме стоял чисто символический. Кирилл срезал его лазером меньше, чем за секунду. Войдя

внутри и притворив дверь, люди поморщились. В нос ударил густой запах птичьего помета. Кирилл, шаря рукой в темноте, нащупал еще одну дверь.

– Что делать мне? – шепотом спросил Жак.

– Стоять молча.

Кирилл вошел внутрь и сразу наступил на что-то мягкое. Под ботинком затрепыхалось, пытаюсь выбраться. Громов поднял ногу и включил фонарь. Пол был покрыт плотным живым ковром. Сотни белых куриц спали, закрыв глаза белесыми пленками. Посреди загона возвышалась трехъярусная автоматическая поилка-кормушка.

Кирилл вздохнул и поднял первую курицу. Хрустнули косточки – Громов свернул птице шею. Сунув труп подмышку, он ухватил вторую курицу. Птица затрепыхалась, даже успела клюнуть Кирилла в руку. Снова раздался хруст.

Громов вернулся к Жаку и сунул ему две тушки.

– Держи крепко, – шепнул он, – чтоб не убежали.

Кирилл убил еще трех птиц и вышел из курятника. Оставив фонарь на самом слабом режиме, он двинулся вдоль загонов.

– Ты куда?

– Людятник ищу.

Каморка обслуживающего персонала обнаружилась метрах в тридцати от входа. Кирилл вошел в нее и сбросил мертвых птиц на стол.

– Знаешь, мне их жаль даже больше, чем тех четырех сол-

дат, которых я убил, – произнес он.

Жак посмотрел на Кирилла с опаской, но звездолетчик в тусклом свете этого не заметил.

– Когда успел? – сглотнув, спросил француз.

– Двоих при захвате, двоих, когда сбегал.

– Я мог бы быть пятым, – скривил губы Жак.

– Не переживай, – хмыкнул Громов, – если б я хотел, ты мог быть и десятым.

Кирилл не стал зажигать свет, опасаясь, что кто-то из работников может жить неподалеку и заметить внезапно ожившую птицеферму. Закрыв плотнее жалюзи, он начал осматривать помещение. Вскоре на стол добавились алюминиевая кастрюля и небольшой топорик.

– Если мы украдем кастрюлю, они точно поймут, что здесь кто-то был.

Кирилл скептически посмотрел на экс-водителя. Затем все-таки снизошел до объяснения:

– А замок на двери курицы взломали.

– Что ты еще ищешь? – через минуту спросил Жак.

– Рюкзак, мешок, сумку. Или ты их в руках понесешь?

Кирилл выбрасывал вещи из шкафов на пол без разбора, но старался не шуметь. Найдя мешок из-под зерна, он бросил его Жаку. Затем он заметил в глубине нижней полки смятую спортивную сумку. Громов улыбнулся, словно снял большой куш, и выволок сумку наружу.

Настала очередь холодильника. В нем оказалась буханка

хлеба и пара жареных куриных ножек.

– А эти собаки, видимо, частенько курочку нахаляву жрали, – заметил Кирилл.

– А мы сейчас чем лучше? – спросил Жак, набирая в бутылки воду.

Звездолетчик пожал плечами. Вопрос показался ему глупым.

Две птицы нырнули в кастрюлю, остальные – в мешок. Все это добро Кирилл засунул в сумку. Рядом улеглись соль, хлеб и топорик. Ножки «грабители» съели тут же, на время заткнув скверный голос голода.

Громов повесил сумку на плечо. Теперь с одной стороны его тянуло к земле оружие, с другой – еда. Выключив фонарь, он двинулся вдоль стенки к выходу. Жак ступал следом, едва не наступая спутнику на пятки.

– Будет грустно, если из-за пяти куриц нам придется убить всю деревню, – вздохнул Кирилл.

– Слушай, может, тебя все-таки было за что сажать?

– Самое большое преступление, которое я совершил, пока в мою жизнь не ворвались власти Тайлы, было...

Кирилл замялся.

– Что же? – поторопил Жак.

– Я дважды задремал во время вахты в капитанской рубке.

Француз, ждавший чего-то невообразимого, разочарованно вздохнул.

– Тогда и я преступник, – хмыкнул он, почесав лоб тремя

оставшимися пальцами.

– Конечно, – согласился Кирилл. – Государственный изменник.

Они зашли за птицеферму, оставив поселение за спиной. Громов сверился с компасом и упругим шагом двинулся на север. К Ламберту. Мысли были заняты маскировкой. Как остаться незамеченными, когда наступит день? Пока ничего лучше, чем падать на землю при виде каждого наземного или воздушного патруля в голову не приходило. Еще нужно было приготовить еду. Не пройдет и суток, как мясо начнет тухнуть. А остаться с одной буханкой хлеба, когда до города еще километров сорок пути, никак не хотелось.

Жак топал сзади, поминутно вздыхая. Распухшая от бутылок с водой сумка приносила чуть ли не больше страданий, чем откушенные волком пальцы.

Кирилл до одури всматривался в слегка подсвеченную Филиусом ночь. Километров через шесть-семь его старания вознаградились. Чуть в стороне равнина изгибалась, переходя в пологий овраг, с торчащими из него кустами и чахлыми деревцами.

Жак едва переставлял ноги от усталости и очень обрадовался, когда Кирилл сказал:

– Туда. Привал.

Словно конь, учуявший близкий отдых, француз ускорил шаг. Кирилл сбросил сумку на краю балки и полез вниз.

– Сначала я, – сказал он.

Видимо, когда-то давно, сюда упал метеорит и сделал большой кратер. Но за годы природа сравняла углы и похоронила прилетевшее из космоса недоразумение. Теперь кратер покрывал ковер травы, выросшей на принесенной ветрами и дождями земле. Почти в центре бил едва заметный ключ. Наверное, во время падения метеорит треснул, выпуская наружу один из верхних слоев подземных вод. Кусты и деревья росли в основном на склоне, где смогли зацепиться гонимые ветром семена.

Громов спустился буквально на метр и на мгновение осветил овраг. Фонарь загорелся и потух, словно вспышка фотоаппарата.

– Давай сюда сумки.

Жак опустился на колени и по очереди передал обе ноши Громову.

– Сам спустишься? – спросил звездолетчик, добравшись до дна оврага.

– Конечно, – прокряхтел Жак. Боясь расшибиться, он спускался задом на локтях и коленях.

В большой яме тьма была еще гуще. Но любопытный сын Тайлы заглядывал и сюда своим слегка скошенным серебристо-лиловым глазом.

– Собери хворост, – сказал Кирилл. – Чем больше, тем лучше.

– У нас же топор есть, – возразил Жак.

– Нужны сухие дрова. От живых деревьев много дыма.

– А ты что делать будешь? – с подозрением спросил француз.

– Я, пожалуй, выпью вина и закажу танцовщиц, – с раздражением ответил Кирилл. – Расслабляет, знаешь ли.

Жак кивнул, словно согласился с Кириллом, и пошел к деревьям. Хвороста он нашел всего две небольшие охапки, зато среди растений нашлось несколько мертвых кустов и деревьев.

– На этой горстке даже чай не вскипятишь, – глянув на скромные успехи француза, сказал Кирилл.

Жак зло плюнул и вытащил из сумки топорик.

– Он мне скоро понадобится, – сказал Кирилл, взяв в руки нож и курицу.

Вначале он ее выпотрошил, отрубил голову, а затем снял перья вместе с кожей. Окровавленная тушка опустилась в кастрюлю. Работа Кириллу не нравилась. Смахнув с пальцев кровь, он взялся за вторую птицу.

Жак, не говоря ни слова, снова побрел к зарослям. Вскоре по оврагу прокатились мерные звуки ударов топора по дереву, которые невозможно было перепутать ни с чем. Кирилл отбросил нож и бросился к Жаку, шипя:

– Тише ты, тише!..

Раздалось еще два удара, и только после этого француз успокоился.

– А если кто услышит?! – набросился на него Громов.

– Может это дятел стучит, – вяло возразил Жак.

– Ага, мутант такой. Размером со свинью.

– Ты чего прибежал? – тоже заводясь, спросил экс-водитель. – Иди куриц потроши.

– По-моему, дятел у нас здесь точно завелся! – зло рыкнул Кирилл. – Обратно в столицу захотел?

– Ну отрежь его лазером, – махнув на ствол клешней оставшихся пальцев, сказал Жак. – Чего ты меня гоняешь?

– Загорится, – мотнул головой Кирилл. – Ты ручками поработай. Так незаметней.

– Ручкой, – поморщившись, уточнил Жак. – Ладно, постараюсь не шуметь.

– Не старайся. Просто сделай.

Кирилл забрал топор и вернулся к месту стоянки. Нужно было закончить с разделкой и выкопать яму под костер.

Иногда из зарослей раздавался треск ломаемого дерева. Ветер дул в сторону от дороги, и Кирилл надеялся, что на ней ничего не слышно. «Что-то я пугливый стал, – недовольно подумал звездолетчик, – от каждого шороха замираю. А еще начальник безопасности». Кирилл потер виски. «Это от недосыпа нервы шалют», – решил он, с трудом засовывая в широкую кастрюлю последнюю тушку.

Взяв в руки топорик, Кирилл принялся долбить им землю. От каждого удара в сторону летели увесистые комья земли. Громов взмок, но продолжал лупить с настойчивостью бурильной машины.

Жак ходил по темному оврагу, словно лунатик. Не про-

износя ни слова, он таскал по одному и тому же маршруту охапку за охапкой наломанных дров. Когда их набралась целая гора, Кирилл буркнул:

– Достаточно.

В выкопанную яму кастрюля помещалась почти полностью. Громов залил птицу водой. Даже при тусклом свете Филиуса было видно, что водно-кровяной раствор получился ярко-алым.

– Ты ее промывал? – брезгливо спросил Жак.

– Если ты сбегашь за водой в лес, то промою, – зло откликнулся Громов.

– Тут же тоже ручей был.

– Попробуй набери ее. Там песка больше, чем воды.

Ситуация складывалась так, словно это Кирилл был на десять лет старше Жака, а не наоборот. Казалось, что француз умеет только водить машину, разгружать ее и бояться правительства. Все остальные тысячи сторон жизни, как будто, обошли его стороной. Жак явно не хотел соглашаться с подобной ролью и произнес:

– Отфильтровать можно было. Через ткань.

– Вот и займись, – кидая ему две пустых баклажки, сказал Кирилл.

Громов накидал на дно ямы мелких сухих веточек и придавил их парой дровишек побольше. Засунув руку с зажигалкой, он запалил овальный голубовато-оранжевый огонек. Горячий язычок с сомнением лизнул хворост. Видимо, вкус

ему понравился. Не прошло и полминуты, как огонь начал вгрызаться в дрова с всевозрастающей жадностью.

Кирилл закинул еще тройку поленьев и опустил кастрюлю. Она повисла, упершись ручками в землю.

Поднимающийся дымок разгонял ветер, а когда он затихал, за дело брался Кирилл. Меся ладонями воздух, он делал белый столбик широким и почти прозрачным.

В стороне, тихо ругаясь, Жак переливал из бутылки в бутылку воду. Кусочек тряпки постоянно соскальзывал, проваливался в бутылку и набирался песком.

Кровяная вода закипала, выбрасывая на поверхность грязно-вонючие серые хлопья. Кирилл только и успевал, что протискивать между кастрюлей и земляной стенкой свежие дрова и снимать с поверхности бульона трупную пенку.

Вскоре Жак вернулся с двумя полными бутылками. Усевшись рядом с Кириллом, он принялся медленно жевать кусок хлеба.

– Невмоготу, – оправдался он, заметив укоризненный взгляд звездолетчика.

Громов открутил крышку солонки и высыпал в кастрюлю все до последнего кристаллика. Часть имущества работников птицефермы полетела в сторону.

– Когда мы будем спать? – жалобно поинтересовался Жак.

– Похоже, мы в этом кратере до следующей ночи. Не хочу рисковать, – задумчиво ответил Кирилл. – Так что успеешь выспаться.

– Курочки наедемся да завалимся под кустами, – потянувшись, мечтательно сказал француз. – Вкусим простых житейских радостей.

Кирилл кивнул, подбрасывая еще несколько дровишек. Алюминиевые бока кастрюли почернели от огня и сажи. Запах варящейся курицы постепенно становился приятным.

Послышался звук приближающихся машин.

– Все-таки заметили! – проголосил Жак, хватая в руки топор.

– Ляг! – приказал Кирилл, а сам, перехватив автомат, начал карабкаться по склону оврага.

Рядом упала шашка. Громов, не раздумывая, швырнул ее обратно и задержал дыхание. Она взорвалась в воздухе, образовав облако ядовитого дыма. Судя по крикам, нападавшим это не понравилось.

Кирилл выглянул. Ночь, форма и черные волосы прекрасно его маскировали. Два патрульных джипа с открытым верхом остановилось в шагах тридцати от оврага. Оба водителя были в отключке, остальные четверо выбирались из машин. Лица их были скрыты воздухоочистительными масками.

«Расслабились, щенята, – хмыкнул Громов, – без шлемов и крышки гуляют».

В воздух взвилась еще одна граната. Чтобы взорвать ее в полете выстрелом Кириллу пришлось на несколько мгновений включить фонарь. Уклоняясь от осколков, он откатился на несколько метров в сторону.

Поняв, что скрываться не имеет смысла, Кирилл включил на автомате объединенный режим – пули и лазер. В то мгновение, когда дуло посмотрело на ближайшего солдата, Громов нажал курок. Стоило импульсу продырявить броню, как туда влетала свинцовая пуля.

Кирилл прицелился в следующую мишень. Именно мишень. Если в твоём сердце остался хоть один живой кусочек, то во время боя нельзя помнить, что перед тобой люди.

Второй солдат качнулся и начал говорить:

– Вооруженное нападение, сектор... – тут он захлебнулся кровью и рухнул на траву.

Третий солдат, словно на учениях, распластался на земле и начал без разбора палить в сторону кратера. Громов нырнул под защиту природного окопа, заметив напоследок, как четвертый солдат проворно забежал за джип.

Солдат палил не меньше минуты. Кирилл задыхался. Кислород в легких кончался. Он не дышал почти две минуты и даже его «кузнечные меха» начинали сжиматься в спазмах. Молоточки в голове стучали громче, чем стрелял автомат.

Стоило выстрелам замолкнуть, как Кирилл высунулся по пояс и дважды нажал на курок. Солдат умер мгновенно – пули вошли в верхнюю часть лба. Громов стрелял так, чтобы не повредить маску.

Кирилл бросился бежать к ближайшему мертвецу. Перед глазами появился туман. От ядовитого дыма шашек и кислородного голодания мышцы стали вялыми.

Последний противник стрелял с промежутком в полсекунды. Кирилл поблагодарил Черную Невесту – богиню звездолетчиков, за то, что в вооружении врага был только пистолет. Одна из пуль ударила чуть выше колена, и Громов едва не упал. Еще один свинцовый шмель чиркнул шею чуть выше воротника, сорвав лоскут кожи.

Боль придала сил для последнего броска. Сорвав с мертвого маску, Кирилл сделал через нее глубокий вдох. Голова прояснилась. Мышцы закололи сотни иголок, словно звездолетчик отлежал все тело разом.

Обхватив руками труп, Кирилл пополз вместе с ним. Бывший враг стал неплохой защитой. Даже бронебойные пули с лазерной поддержкой не возьмут навывлет тело и три слоя брони.

– Сдавайся! – взвизгнул патрульный.

– Сам сдавайся, – рыкнул Кирилл и выстрелил по видневшимся под машиной ступням.

Солдат упал, словно высокий гриб, срезанный у основания. Превозмогая боль, патрульный начал перезаряжать пистолет.

– Брось оружие! – крикнул Громов в приступе милосердия.

Молодой парень, видимо чувствующий себя в этот момент героем, продолжил перезарядку. Это и решило его судьбу.

Адреналин прошел, и Кирилл с трудом нажал на спуско-

вой крючок. Но патрульный буквально напрашивался, чтобы его убили.

Нужно было снова приложить маску и сделать вдох, нужно было остановить капающую из рваной раны на шее кровь, нужно было помочь Жаку. Но на несколько секунд Кирилл выпал из реальности, не в силах отогнать нахлынувшее воспоминание.

Отец уже несколько месяцев грозился, что такого подарка свет еще не видел. Что он сам завидует сыну. Наконец настал день рождения, и перед Кириллом лег контракт на перелет за пределы системы в роли помощника начальника безопасности.

– И это, сынок, в двадцать три года! Не сплхуешь, через пару лет станешь начальником, – улыбаясь, с гордостью сообщил отец. – Трехмесячная стажировка и... вперед!

Кирилл летал на Марс и оттуда обратно на Spes. Он уже дважды ходил на космическую станцию, вращающуюся вокруг соседки Onis⁴ – второй планеты голубой звезды Lux⁵.

Но теперь он полетит за пределы системы не в роли пассажира. Теперь ему открыт путь в капитанскую рубку, технический и грузовой отсеки. Он станет частью корабля, а не просто живым грузом, от которого ничего не зависит.

⁴ Onis (лат.) Бес. Планета названа так, потому что первая же разведывательная группа пропала на ней бесследно. Следов катастрофы не найдено и по сей день.

⁵ Lux (лат.) Свет

– Папа, спасибо, – искренне поблагодарил юный звездолетчик. Поставив роспись и приложив оба больших пальца к специальным считывающим голограммам, он добавил: – Ты исполнил мою мечту.

– У Черной Невесты появился еще один жених. Желаю никогда не стать ее мужем. Если только в старости, когда ты сам того захочешь.

– Спасибо еще раз, – сказал Кирилл и обнял отца.

Каждый подразумевал под Черной Невестой свое. Кто – богиню всего сущего, кто – темную энергию и материю, кто – возможность мгновенного перехода через гиперкоридор, проложенного в темной энергии. Но с женихом и мужем все было однозначно. Жених – это звездолетчик, муж – погибший и похороненный в космосе.

Стажировка прошла легко и нетерпеливо. Кирилл пожал руку отцу, обнял заплаканную мать и вошел в лифт-трап грузового корабля «Ресурс-12».

Местом прибытия была планета Кришна в системе Ганга. Двести лет назад, в эру Прорыва, колонизацию системы возглавлял индус. И с его легкой руки планеты и спутники получили имена ведических богов. А система стала небесным представителем священной реки.

Термоядерный двигатель вывел судно из зоны жесткого притяжения и придал необходимую скорость. Наконец капитан объявил об активации «темного двигателя». Кирилл восторгался каждым заданием и событием, словно наивный

ребенок.

Корабль «Ресурс-12» должен был вынырнуть из гиперкоридора в двухстах миллионах километров от звезды Сурья и продолжить путь на термоядерном двигателе к Кришне.

Вынырнули. Но на обзорных экранах во всех шести направлениях не было ни единой звезды. Зато был корабль. И он их ждал явно не для того, чтобы купить платину и гелий-3.

Пираты приближались километр за километром, абордаж был неизбежен. Прыжок в гиперкоридор в течение получаса стал невозможным. Космические разбойники бросили «глушилку» – хитроумный компьютерный вирус, блокирующий на некоторое время возможность повторной активации «темного двигателя».

– Счастливчик, – сухо произнес начальник безопасности. – В дебютный полет получить дебют в бою.

– Главное, не схвати дебютную смерть, – нервно посоветовал помощник бортинженера, которого тоже отправили оборонять шлюзовой отсек.

На взлом системы стыковки у пиратов ушло еще десять минут. Не успели створки шлюза разойтись полностью, как Кирилл запалил с двух рук: из пистолета и лазерного ружья. Грудь и живот одного из пиратов превратились в развороченное и хорошо прожаренное месиво. Одна из пуль рикошетом попала в панель управления шлюзом вражеского корабля и сбила коробочку взлом-компьютера. Нападающие

успели выстрелить трижды, затем входные створки обоих кораблей быстро схлопнулись.

– Пиратский корабль отстыковался! – послышался из динамиков восторженный голос капитана. – «Темный двигатель» доступен для активации!

Начальник безопасности захохотал и похлопал Кирилла по плечу. Только Громов не смеялся. Перед глазами стояло искривленное от боли лицо человека, которого он убил. Так легко и так быстро. Будто комара прихлопнул.

С тех пор он не причинил никому вреда. И вот. За несколько дней он собственноручно отправил восемь душ в чистилище Черной Невесты.

Кирилл сделал три глубоких вдоха, наполняя кровь кислородом, и закрепил маску тонким ремешком.

– Подкрепление не требуется. С ситуацией справились – террористы захвачены, – сухо доложил Кирилл в пристегнутую к запястью мертвеца микрорацию.

Взяв вторую маску, он пошел к Жаку, включив фонарь поярче. Француз лежал на дне оврага и дышал через рукав. Лицо его посинело, но он оставался в сознании. Кирилл бросил ему маску, и Жак жадно схватил ее двумя руками, даже не обратив внимания на покалеченные пальцы. Через несколько минут кожа у него стала нормального цвета.

– Ты хорошо держался, – сказал Кирилл, даже не подозревая, настолько иронично это звучит.

– Ага, как бревно на дне оврага, – согласился Жак.

– Самое трудное – это убивать беззащитных, – подходя к бесчувственным водителям, сказал Громов. – Хочешь по-пробовать?

Звездолетчик вытащил обоих патрульных из машин и положил рядом друг с другом. Жак ходил от трупа к трупу и качал головой. Кажется, он начинал уважать и бояться Кирилла не меньше, чем правительство Тайлы.

– Прикончишь их? Я пока вещи собираю. Курица, наверное, уже жарится.

– Там дрова выгорели, – ответил француз. Потом до него дошел смысл последней фразы. – Я? Нет! Как можно...

– Подумаешь, два раза на курок нажать, – пожал плечами Громов. Бравადой он пытался победить горечь от совершенных убийств. Яд несуразного раскаяния жег разум, и Громов мучился от него, словно от непроходящей оскомины.

Вроде все правильно. Они нападают, он защищается. Он – звездолетчик и крутой боец, выдержавший экзамены в спецшколе на Марсе, они – олухи, которые хотели быть поближе к правительственной кормушке. Но почему на душе так скверно? «Потому что приходится вести себя, как зверь. А зверем быть не хочется», – пришел ясный ответ.

– Переверни их на живот, заломь руки назад и застегни наручники, – сказал Кирилл. – Справишься? У тебя на все сборы пять минут. Нужно рвать когти.

Жак кивнул и принялся сковывать патрульных. Один из

них забормотал, заставив француза ускориться. Громов собрал в кучу все оружие. В специальный карман формы опустил десятизарядный пистолет, в автомате Кирилл заменил обойму и аккумулятор. Оружие прибавило уверенности.

Выбрав еще один пистолет и укороченный автомат, он подал их Жаку.

– Это тебе.

– Я все равно не смогу никого убить, – покачал головой француз.

– Сможешь. Когда начнут убивать тебя. Я же смог...

Остатки оружия и патронов Кирилл забросил на заднее сидение патрульного джипа. Не выключая фонарь, он сбежал в овраг. Слив из кастрюли остатки воды, он засунул ее в сумку. Туда же опустились нож и топорик. Валяющийся на земле хлеб Громов обтер, обдул и положил рядом с кастрюлей. Не в том они положении, чтобы брезговать. Сумку с водой утащил Жак.

– Готов? – спросил звездолетчик, вылезая из кратера.

Жак ковырялся в двигателе джипа.

– Сейчас, топливную систему сломаю, – хмыкнул он, – пускай пешком чешут обратно.

Кирилл кивнул, одобряя действия спутника. Усевшись на пассажирское сидение, Громов бросил сумку в ноги. Через минуту рядом плюхнулся Жак.

– Биноклем разжились, – улыбнулся он, приставляя прибор к глазам. – Ни черта не видно.

– Инфракрасный диапазон включи.

– На, умник, я не разбираюсь.

– Поедем без фар. Сможешь?

– Я и не так ездил, – отмахнулся Жак. Голос звучал уверенно. Чувствовалось, что француз жаждет оседлать своего конька.

– Тогда вперед. Немного на восток, а потом строго на север, к Ламберту. Пора прощаться с этой гнилой планеткой.

– Проще на этом джипе выйти в открытый космос, чем украсть корабль.

– Не так это и тяжело. Нужно лишь пару лазерных систем для создания высокотемпературной плазмы, сверхтермостойкий кокон и килограммчик дейтерия с гелием-3. И все, джип в космосе.

– На Тайле шибко умных не любят, – глухо поведал Жак. – Они либо в правительстве работают, либо в научных лагерях батрачат, которые от тюрьмы не отличишь.

– Поехали, пророк. Я и так вижу, что меня на Тайле не жалуют.

Француз мягко стронулся и сразу набрал скорость до километров двадцати в час.

– Ближайшие метров пятьсот дорога, вроде, ровная, – кладя бинокль на колени, сказал Кирилл.

– Дорога, – передразнил Жак спутника.

Кирилл пожал плечами и полез в сумку. Достав серо-белую тушку, он жадно вонзил в нее зубы.

– Я тоже хочу, – жалобно проговорил Жак.

– На дорогу смотри, – усмехнулся Громов с полным ртом. – Водитель.

– Все не сожри.

– Там еще десяток пайков этих бедолаг. Голодным не останешься.

Жак выдавил из себя улыбку, стоически принимая новое испытание судьбы. За последние дни он пережил больше, чем за все предыдущие тридцать шесть лет жизни. Сил бороться, переживать и думать не осталось вовсе.

Остались только ночь, руль с кнопкой газа и педаль тормоза.

Глава пятая

Что-что, а водить Жак умел. Кирилл подкармливал француза кусочками курицы, словно домашнего кота, прибежавшего на кухню. За час они проехали почти столько же, сколько преодолели за все это время пешком.

Джип с широкими колесами и антигравитационной подвеской скрадывал ямы и кочки. Иногда Жак притормаживал и объезжал овраги, густые кусты или каменистые холмики.

– Скоро светать начнет.

– Ненавижу рассвет, – отозвался Жак, поднимая левую руку с обрубками мизинца и безымянного пальцев.

– Волков не видно, – улыбнулся Громов, выбрасывая последнюю косточку от второй курицы.

– Не боишься, что они собак пустят?

– Любой идиот и без собак найдет наши следы, – отмахнулся Кирилл. – Нас спасает только то, что на базе ждут патрульных вместе с захваченными террористами.

– Это ненадолго, – вынес очередной вердикт Жак.

– Наслаждайся! Возможно, это последние полчаса спокойной жизни, – подбодрил звездолетчик. – Или вообще жизни.

– Водителем родился, водителем жил, водителем и умру, – пошутил Жак глухим голосом.

– Патриотично.

В этот момент темное небо стало еще темнее.

Кирилл поднял голову одновременно с автоматом.

– Дракон?! – спросил первое, что пришло в голову Кирилл.

Над ними летела огромная рептилия с десятиметровым размахом крыльев. Из крыльев уродливо торчали лапы, с тремя длинными пальцами. На удлинённом черепе, напоминающем затупленную кирку великана, блестели черно-красные бусины глаз. Кончалось непропорциональное тело коротким хвостом и близко посаженными четырехпалыми задними конечностями.

Жак резко крутанул руль, уходя из-под надвигающейся тени птеродактиля. Кирилл поставил лазер на непрерывный режим излучения. Стрелять громкими пулями не хотелось. Видимо, конструкторы оружия на Тайле не считали шум чем-то неудобным. Возможно, они даже специально оставляли его – для устрашения.

– Похоже, мы обидели хозяина этой птички, – сказал Громов и нажал на курок. Рептилия продолжала нестись на них, словно не чувствуя выжигающей силы лазера.

– Ее тоже, – ответил Жак, смахивая со лба крупные капли пота. Француз заново научился бояться.

Автомат в руках звездолетчика повторял движения птеродактиля. Стоило уродливому дракону снизиться или сдвинуться в сторону, как оружие тут же копировало маневр, словно между ними была невидимая пуповина.

– Когда скажу – резко затормозишь, – следя за противником широко распахнутыми глазами, сказал Кирилл.

Громов не отпускал курок, пока рептилия с криком злобы и боли не устремилась обратно в серое предрассветное небо. В крыле, недалеко от туловища, звездолетчик заметил прожженную дыру. А может, просто показалось.

Птеродактиль полетел в сторону дороги. Кирилл следил за ним в бинокль, пока тот не приземлился в паре километров от них. Стало светлее, и Жак прибавил скорости. Ветер, будто только этого и ждал, упруго ударил в лицо.

– Интересно, это живая тварь или биоробот? – спросил Кирилл.

– Кто это вообще? Я даже не слышал о таких чудовищах.

– Были такие рептилии на Земле во времена динозавров. Примерно семьдесят миллионов лет назад вымерли.

– Они просто перелетели на Тайлу, – скривив губы, предположил Жак.

За ночь Ламберт приблизился почти вплотную. Теперь его очертания, несмотря на то, что город стоял в низине, были хорошо видны и без бинокля. Тянущиеся к небу высотки, укутавшись в одеяло утреннего тумана, показывали миру только редкие светящиеся окна. Казалось, что дома подмигивают улицам, обещая вскоре выкинуть на них бесконечный поток людей.

– Судя потому, как птеродактиль долго терпел излучение – это биоробот. Я тридцать процентов батарейки на него вса-

дил. Удивительно крепкое покрытие. Броня патрульных по сравнению с ним – бумажная промокашка. Точно биоробот.

– Или мутант какой-нибудь с заниженным болевым порогом.

– Может и мутант, – задумчиво кивнул Кирилл. – Не удивлюсь, если наш дракоша вернется спустя полчаса с латкой на крыле.

Птеродактиль вернулся спустя три минуты. Вынырнул из облаков и понесся на джип.

– Что ему нужно?! – в панике вдавливая кнопку газа в руль, воскликнул Жак.

– Хороший вопрос! – откликнулся Громов. – Поиграть, наверное, хочет, а может – подружиться.

Автомат плевался свинцом, испускал луч смерти, слепил ярким фонарем, но рептилия лишь иногда подергивалась с глухим писком, словно от щекотки.

– Опускай крышу! – проорал Кирилл, когда понял, что в этот раз птеродактиль собирается идти в атаку до конца.

Крыша с едва заметным жужжанием начала выдвигаться из задней части машины. Когда она дошла до середины салона, Кирилл выпустил в броневой тварь последние пули. Птеродактиль регенерировал на глазах. Ожоги превращались в пузырящиеся волдыри, которые через несколько секунд лопались, оставляя под собой свежую кожу – еще толще и прочнее. А металл если и причинял рептилии какие-то неудобства, то она этого никак не выказывала.

Громов схватил край крыши и дернул на себя, ускоряя процесс «панциризации». Словно черепаха, ищущая спасения в хрупкости зубов врага, он надеялся на прочность патрульной машины.

В отличие от древних пресмыкающихся, джип еще и двигался. И, чем сильнее нервничал Жак, тем быстрее.

Раздался звук удара, переходящий в скрежет сминаемого металла. Друзей бросило вперед. На мгновение машина, придавленная к земле, заревела и забуксовала на месте. Птеродактиль сделал в крыше восемь вмятин, и теперь в салоне появилась россыпь гигантских пупырышек, словно джип был живым и изрядно замерз.

– Зачем ты сказал про полчаса жизни?! – с суеверным ужасом, риторично спросил Жак.

– Не одному ж тебе пророчествовать, – ответил Кирилл, вставляя в автомат последнюю обойму и заряженный под завязку аккумулятор.

В крышу снова ударило.

– Эх, сюда бы лес. Там бы мы точно схоронились.

– Нашел время мечтать, – всматриваясь в несущуюся под колесами равнину, сказал француз.

Машина зависла в нескольких метрах над землей и с грохотом упала обратно. Крыша покрылась двумя дюжинами пупырышек, пару из которых лопнули, обнажив острые края. Джип завилял, Жак пытался выровнять машину, крутя руль и сбрасывая скорость. Антигравитационная подвеска вышла

из строя, не выдержав резкого приземления.

– В этой консервной банке нам точно не выжить, – выбрасывая в окно обе сумки, нервно заметил Кирилл. – Тормози и сразу выскакивай. Ты беги на север, я – на северо-восток. Может, один из нас и выживет. Был рад знакомству, ты храбрый мужик.

– Я за эти дни прожил целую жизнь, – выдавил из себя улыбку Жак.

Лицо его осунулось, кожа стала бледно-синей, а в глазах играл лихорадочный блеск. Но так он казался Кириллу все равно более живым, чем когда разгружал продовольствие на правительственный склад.

– Тормози, – кивнул Громов, приоткрыв дверь.

Жак вжался в спинку кресла, напряг руки и нажал на педаль тормоза. Громов рыкнул – руки дернуло во всех суставах. Едва не опробовав крепость панели и стекла, он все-таки удержался на кресле.

Машина скользила вперед, закапываясь в землю. Из-под колес летела земля с пучками вырванной с корнями травы. Не дожидаясь, пока джип остановится полностью, Кирилл десантировался, оттолкнувшись от внешней ступеньки.

Земля ударила в ботинки, Громов сделав несколько быстрых шагов, и все-таки растянулся на траве, больно ударившись грудью об автомат. Вскочив вначале на колени, звездочетик оглянулся назад. Рептилия неслась к джипу, криво изогнувшись, выставив перед собой задние лапы. Жак уле-

петывал в сторону Ламберта, ничуть не уступая по скорости патрульному джипу. Автомат он бросил, оставив из оружия только пистолет. Через несколько минут, убедившись, что бронированный дракон за ним не гонится, Жак перешел на быстрый шаг, оглядываясь, каждое мгновение.

Птеродактиль продолжал терзать машину. Несколько раз он ее поднимал на десяток метров и бросал боком вниз. От таких кувырканий, даже бронированные стекла покрылись сеткой белых морщин.

Кирилл, не спуская с рептилии глаз, двигался к валяющимся сумкам. Монстр из прошлого колыбели человечества не обращал на людей и крупницы внимания.

Одна из бутылок лопнула от удара, залив сумку водой. Остальное нехитрое имущество было в порядке. Кирилл вытряхнул воду, взвалил обе сумки на плечи и легким бегом стал догонять француза.

Птеродактиль еще пару раз трахнул джип об землю и, удовлетворившись результатом, полетел прочь.

– Рептилия – это такая сигнализация патрульных джипов от воров. С функцией выведения машины из строя, – сообщил Кирилл Жаку, словно ничего не случилось, и они просто выехали из города на пикник. – Ну и втопил же ты.

Француз нахмурил лоб и произнес:

– Это же невыгодно экономически.

– Если враг смог захватить эту технику, значит, ей не место в вооружении Рекса третьего.

– Если верить слухам о безумии диктатора и его помощников, то, может, ты и прав.

– Или просто тестируют новое вооружение таким образом, – продолжал предполагать Громов.

Жак забрал сумку и пошел за выброшенным оружием.

– Не судьба, – сказал он.

На земле лежал погнутый, с почерневший от микровзрыва автомат. Видимо, птеродактиль уронил на него джип.

– Таковую штуку потерял, – с сожалением сказал звездолетчик.

– Что-то она не особо помогла, – поморщился Жак.

– Ты это патрульным скажи, – мрачно произнес Кирилл. – Пойдем, а то мы как на ладони.

Спустя полчаса, когда до Ламберта остались считанные километры, в небе появилась точка. Кирилл бросил сумки и Жака под ближайшие невысокие кусты, а сам включил на форме режим маскировки и улегся лицом вверх.

– Неужели за нами вернулся?

Громов молчал.

– Это грузовой флаер, – вскоре сказал он. – Джип забрал и улетел.

– Подозрительно, – заметил Жак. – Почему они нас не ищут?

– Думаю, у них есть кому возить продовольствие, – осадил его Громов.

– Кирилл, это не шутки, – пропустив шпильку мимо ушей,

сказал Жак, – тут какая-то подстава, ловушка. По идеи, они давно должны были оцепить весь район и потихоньку выкурить нас отсюда.

– Ты уверен, что они знают, где мы? Может, на Тайле в порядке вещей убийство патрульных. Просто обычным людям этого не говорят, – звездолетчик поднялся на ноги. – Разве мы не можем сейчас сидеть в столице в каком-нибудь подвале, а группировка борьбы за свободу уничтожить патруль?

– Ну-у... – поднимаясь на ноги, протянул Жак.

– Ты обо всем так говоришь, словно возглавлял ведомства Рекса вместе с Эгоном Шульцем и Светлячком Теодором! – не скрывая раздражения, протараторил Кирилл. – Не нагнетай, пожалуйста.

– Я предупреждал, – обиженно буркнул Жак и зашагал к упирающимся в небо домам.

Ламберт выглядел более живым, чем столица. В воздухе носились сотни гражданских флаеров, многие здания украшали ярко светящиеся полотна с названиями фирм и корпораций. Хоть население и было меньше, чем в Гротенбурге, людей на улицах гуляло значительно больше.

Во всех четырех системах знали, что Тайла находится в стальных тисках диктатуры. Но даже шипастых рук Рекса третьего хватало только на столицу. В Гротенбурге живут самые верноподданные, самые властные, самые запуганные, самые глупые и самые умные люди в галактике.

Кирилл и Жак вошли в Ламберт и легко слились с местны-

ми жителями. Громов, в темно-салатовом костюме и синей сумкой, выглядел как работник по озеленению мегаполисов низкого ранга, а Жак и вовсе вел себя как обычно. Лишь коротко стриженные волосы зачесал на бок с таким видом, словно бы эта нехитрая маскировка могла сделать его неузнаваемым.

– Космодром на другой стороне города, – сообщил Жак озирающемуся спутнику. – В центре тоже есть небольшая площадка, но это для правительственных кораблей.

– Там мне хочется появляться меньше всего.

– Мы выглядим очень подозрительно, – продолжал искать поводы для беспокойства экс-водитель. – Если у нас спросят документы...

– Подозрительно до обыденности, – кивнул Кирилл. – Два рабочих идут на нехитрую службу. В сумках – инструменты и еда. Личного транспорта нет, на общественном... экономим.

– Нет, давай все-таки прокатимся, – покачал головой француз. – Подземный монорельсовый поезд – дешевле еще ничего не придумали.

Станцию они нашли в полукилometре от первых двух кварталов. Рядом уютилось полдюжата скромных магазинов. Возле входа на станцию стоял высушенный голодом и болезнью мужичок с протянутой жестянкой.

На глазах у спутников патрульные заломили нищему руки и надели на него наручники. Бедняк что-то причитал, пыта-

ьясь оправдаться.

– На Тайле нет нищих, – шепотом объяснил Жак, когда «преступника» погрузили в обширный кузов машины патрульной службы города.

– А социальной службы разве для этого нет? – нахмурился Кирилл.

– Есть, ты ее видел, – усмехнулся Жак. – Проверят, есть ли у него родственники и отправят работать на какой-нибудь закрытый объект.

– Удобно, – вздохнул Громов, становясь на платформу эскалатора. – Как в той древней поговорке: «нет человека, нет проблем».

Самодвижущаяся лестница продолжала нести их в недра подземной инфраструктуры. Внизу, в ступеньках тридцати, ехало четверо мужчин. Больше никого Кирилл не заметил. Лишь несколько запыленных глазков камер бесстрастно следили за происходящим.

– Сюда патрульные почти не заходят. Считают это ниже своего достоинства, – заметив взгляд спутника, объяснил француз. – Камер достаточно.

– Запустенье. Неужели все перебрались на личный транспорт?

– На Тайле ограничивают власть и свободу, но не капитал и материальные радости.

– С помощью денег тоже многое можно сделать, – пожал плечами Кирилл. – Деньги могут дать иллюзию власти...

– Иллюзию свободы, – уточнил Жак. – А если ты имеешь в виду коррупцию, то только не на Тайле. За любую мало-мальскую взятку пожизненный приговор: «работа на закрытом объекте без права выезда осужденного и въезда родственников».

– Хуже смертной казни. А как же подпольные общества? Производство оружия? С деньгами есть возможность все организовать.

– А вот для этого и существуют патрульные, шпионы и прочие доносчики. Хотя, как показывает история, у кого много денег, тот особо и не рвется в борьбу за свободу. Ему и так хорошо.

– Всего лишь девяносто семь лет прошло с колонизации системы Rex, а кажется, будто здесь инопланетяне живут. Причем много веков.

Жак несколько раз кивнул и сказал:

– Да-а, многое создавалось с расчетом на далеких потомков, но загнило раньше, чем подросли внуки первых колонистов.

Наконец-то ступеньки превратились в плоский стальной коврик, и спутников вынесло на бетонно-керамическую станцию. До прибытия поезда оставалось четыре минуты. Секунды медленно, словно нехотя, текли в обратном направлении, приближая приезд огромной подземной гусеницы.

Жак и Кирилл подошли к одному из трех аппаратов. Четверка тихо переговаривающихся мужчин с беспардонным

любопытством рассматривали спутников. Кажется, салатный наряд Кирилла вызвал среди них смех.

Жак опустил одного серебряного принца в щель, аппарат коротко вжикнул и выдал четыре серых билета с изображением паровоза. Француз спрятал два билетика в карман, другие зажал тремя пальцами покалеченной руки.

– На обратный путь надеешься? – спросил Громов, перекидывая сумку на другое плечо. Автомат, топор и еда ощутимо тянули вниз.

– Система такая, – пожал плечами Жак, – один принц – четыре билета. Среди бедняков это еще один вид валюты.

– Даже на Spes большинство взаиморасчетов – безналичные. Компьютер сам дробит платиновый цент на сотни долей и переводит нужное количество продавцу.

– Вообще налички нет?

– Ну, почему. Бывают любители расплачиваться за крупные покупки платиновыми центами. Или даже земными рублями. А вот ваши короли и принцы почти не в ходу, хотя из чистого золота и серебра. Наш бортинженер любил их. Я, кстати, у него помощником был.

– За что? – с вялым интересом спросил Жак. – На Тайлу собирался переезжать?

– Нет, – усмехнулся Кирилл. – Из королей и принцев он делал отличную термопасту. Лучше заводской.

Поезд выехал из жерла туннеля, когда на табло загорелось четыре нуля. Хотя поездом его можно было назвать с боль-

шой натяжкой. Три узких вагона десятиметровой длины распахнули двери в немом приглашении.

Кирилл и Жак зашли в лицевой вагон, где сидело лишь две женщины почти вековой свежести. Француз сразу бросил два билета в аппарат, напоминающий ящик для пожертвований.

– Чего стоим? – спросил Громов, когда прошло больше минуты.

– Пока все вновь вошедшие не скормят по билету, поезд не поедет.

– Гениально, – с сарказмом сказал звездолетчик. – Все для людей.

– Зато полная автоматика.

– Этим давно никого не удивишь.

Наконец створки дверей закрылись, и поезд с места рванул в темный туннель. Кирилл не знал с какой скоростью движется транспорт, потому ему казалось, что станции натканы одна на другой. При каждой остановке в вагон заходила пара человек, а один выходил. Громов усмехнулся, проследив эту закономерность к третьей станции.

Никто друг на друга не смотрел, и звездолетчика это полностью устраивало. Кирилл пытался нашарить глазами камеры, но, не достигнув успеха с первой попытки, решил больше не привлекать к себе внимания.

На пятой по счету станции в вагон вошел жандарм. Сердце Кирилла ускорило ход, рядом ощутимо вздрогнул Жак.

Громов весь подобрался, словно готовился к прыжку.

– Готовим документы на проверку, – сухим голосом, словно обращался к роботам, произнес жандарм.

– Он один проверяет? – шепотом спросил Кирилл. – Или в каждом вагоне по жандарму?

Жак развел руками.

– Можно выйти? А то я тороплюсь...

– Предъяви документы и иди, – повернувшись к Громову лицом, сказал городской патрульный.

Звездолетчик этого только и ждал. Неожиданный удар тяжелым ботинком в грудь повалил жандарма на пол и на миг выбил из него сознание. Надо отдать должное стражу порядка. Даже лежа на полу и трясая головой в надежде поскорее прийти в себя, он начал вытаскивать оружие. Громов двумя движениями вышиб из руки парализатор и сломал рацию.

– Сзади! – послышался окрик Жака.

Двое мужчин вскочили с сидений, но Кирилл выхватил пистолет и рывкнул:

– Сидеть смирно!

Желающие выслужиться перед хранителем правопорядка послушно шлепнулись на задницы. От вида оружия в их глазах сразу появился животный страх и покорность. Ведь если оружие не у представителя власти, значит его владелец – террорист. А террористы – психи, от которых можно ждать чего угодно. Так учили в школе. Еще в школе учили обезвреживать подобных субъектов любой ценой, но, видимо, эти

знания усвоились не столь хорошо.

Громов приложился кулаком ко лбу жандарма, вырубая его, и сказал Жаку:

– Следи за ним. Да вытащи ты пистолет уже! Когда скажу – выкинешь этого олуха из вагона.

– А мы? – робко спросила одна из пассажирок.

– Сидите тихо, не мешайтесь и никто не пострадает, – отрывисто пообещал Кирилл и бросился к закрытой двери кабины, где можно было взять, как он надеялся, управление поездом на себя.

Открыть дверь оказалось самым трудным. Кирилл открыл сумку и вытащил автомат, чем вызвал всеобщий испуганный вздох. Пока все шло тихо, потому даже если в соседних вагонах и есть жандармы – вряд ли они что-то заметили. Тем более, как показывал опыт Кирилла, уверенность и гордость делает людей почти глухими к окружающему миру.

Но если шандарахнуть свинцом, то услышат, наверное, и наверху. Громов включил лазер. Опуская палец на спуск лишь на мгновение, он принялся срезать замок. Стрелять приходилось снизу вверх, чтобы не повредить излучением приборную панель и ходовую часть поезда.

Вагон наполнился запахами горелой краски и расплавленного металлопластика. Кирилл ударил ногой в то место, где по его представлениям должен был быть замок. Дверь открылась, и от нее протянулось несколько тягучих нитей расплавленного пластика. Громов, не обращая на них внима-

ния, вбежал в тесную кабину.

Внимательного взгляда помощника бортинженера космического корабля хватило, чтобы разобраться с нехитрым управлением монорельсового транспорта. После нажатия приметной кнопки, напоминающей слегка уменьшенную баночную консервную крышку, поезд оказался во власти Громова.

– Выбрасывай! – крикнул он Жаку.

Француз замешкался. Убирать пистолет не хотелось, а поднять и вытолкнуть жандарма покалеченной рукой было невозможно.

– Ты чего тормозишь?! – послышался оклик Кирилла. – Влюбился в него что ль?!

Жак направил пистолет на двух пассажиров, которые порывались остановить Кирилла.

– Взяли его и вытащили из вагона! Быстро!

Мужики подхватили стража порядка под руки и выскочили на платформу вместе с ним. В то же мгновение двери закрылись, и поезд стронулся. За спиной оставалось два вагона – Громов избавил локомотив от балласта.

Стоило въехать в туннель, как кабина погрузилась в темноту. Кирилл выругался и включил подствольный фонарь. Еще раз оглядев панель управления, звездолетчик нажал две соседние кнопки, с изображением лампочек с лучиками. Туннель и один-единственный рельс, уходящий, казалось, в бесконечность, осветились голубовато-белым светом. Над

головой загорелась круглая светодиодная лампа.

Поезд продолжал ускоряться, но использовать пневматическую трассу на полную мощность Кирилл боялся. Сощурился, глаза, он всматривался в подземную кишку Ламберта.

– Жак! – позвал Громов. – Сколько еще ехать?

Показался свет станции, но Кирилл и не подумал снижать скорость. Все же он успел выхватить, словно сфотографировал, неопишное удивление на лицах несостоявшихся пассажиров. Кто-то даже открыл рот.

Поезд с одним вагоном приехал раньше времени, указанного на табло и затем стрелой пролетел мимо; для жителей Тайлы это было сродни сотому чуду Вселенной.

Француз, посоветовавшись с пассажирами-заложниками, ответил:

– Еще семь станций! Потом депо с разворотным кольцом!

Снова Кирилл бежал, словно галактический разбойник, на чей след после долгого перерыва вышла служба безопасности. Бежал вперед, не считаясь со средствами и не зная, что будет делать через несколько минут, когда окажется в очередном тупике.

Стоило промелькнуть еще одной станции, как резко начала падать скорость. Видимо, кто-то из инженеров догадался отключить питание ветки.

Лампочка над головой и фары потускнели, но продолжали светить. Кирилл судорожно соображал, как подключить локомотив обратно к энергетической ветке. Здесь нужен пи-

рат-программист, хакер высокой квалификации.

В этот момент бортовой компьютер пикнул и вывел на экран несколько надписей: «Внешнее питание отключено. Все системы поезда функционируют в штатном режиме. Включить аварийное питание?» А ниже два прямоугольника для подтверждения или отказа.

«Интересно, надолго ли хватит аккумуляторов? – подумал Кирилл, с радостью принимая предложения компьютера. Маленький электронный бедняга даже не знал, что своей услужливостью стал соучастником в терроризме. Содействие опасным субъектам налицо. «На свалку пойдешь», – предсказал судьбу поезда звездолетчик.

Промелькнуло еще две станции. Кирилл вглядывался с прежней сосредоточенностью, и увиденное ему не понравилось.

– Держитесь! – заорал Громов, дергая ручку экстренного тормоза.

Взвизгнула женщина, кто-то покатился по салону. Кирилл бросило на лобовое стекло, но в последний момент он успел развернуться и ухватиться за дверную коробку. Вздунулись от напряжения мышцы, на лбу выступила вена.

Поезд продолжал тормозить и тянуть всех к лобовому стеклу, словно насильно зовя посмотреть на невероятное зрелище. Кирилл попробовал подтянуться, чтобы выбраться из кабины и упереться в стену спиной, но инерция была сильнее. От усилий едва подсохшая рана на шее снова от-

крылась. Громов почувствовал, как намокает воротник.

Локомотив врезался в стоящий на станции поезд. Оба стекла, лобовое и заднее, брызнули осколками, будто приветствовали друг друга перед разрушающим ритуальным соитием. Заскрежетал сминаемый металл, заставляя даже самых смелых внутренне содрогнуться.

Кирилл пригнул голову, жалея, что он не черепашка, которая может втянуть ее в панцирь. Стекло карточью ударило по ногам и спине, один из осколков налету сбрил клочок волос.

Когда секундная репетиция ада кончилась, Громов нажал клавишу открытия дверей и влетел в салон. Жак позеленел, но пистолет не выпустил – держался за поручни сгибом локтя. Одного из мужчин, судя по запаху нетрезвого, вырвало. И теперь кислая блевотина покрывала добрых полвагона.

Громов подхватил сумки и на ходу накинул одну из них на француза.

– Беги за мной!

Кирилл пробежал вдоль поезда и ринулся в кишку туннеля в обратном направлении. Жандармов не было, значит, поезд остановился здесь вынуждено, когда вырубил питание. На краткий миг звездолетчик почувствовал облегчение – операция по захвату еще не развернулась на полную катушку. «Чего радуешься? Метро – это ловушка. Просто очень большая, – одернул себя Кирилл. – Даже самая выносливая крыса вылезает на поверхность, когда кончается вода и еда».

Жак бежал следом, ошарашенные пассажиры покидали

поезд и выжигали взглядами спины террористов. Кирилл физически ощущал на себе ненависть, непонимание и даже зависть жителей Тайлы.

– Куда... бежим... – выдохнул Жак. – Там такая же станция.

– Должны быть служебные помещения, проходы... – с неуверенной надеждой сказал Кирилл. – Во всех метро есть побочные ветки и шахты.

Автомат, пистолет, сумка с едой, топором и всякой мелочью болтались, бились, тянули вниз. Громов сразу вспомнил тренировки на выносливость в боевой спецшколе Марса. Там они бежали по старым разработанным шахтам, по ледяной корке и каменной крошке, в горку и по узким туннелям. И на каждом из учеников были гравитационные ботинки с силой притяжения в полтора земного «g». Один умник решил переобуться, и был отчислен на следующий день, как не прошедший испытание.

«А ведь мне тогда было двадцать, – подумал Кирилл, – пять семестров в колледже на инженера, три года в полетах и ты, парень, расслабился. Форму держишь, но не совершенствуешься». Тут же пришла встречная мысль: «Нашел время для самобичевания».

Сзади хрипел Жак. Вот кто форму не держал, да и не имел ее никогда.

– Ты куда на середину вышел? Поедет поезд – прихлопнет, как муху, – раздраженно предупредил Кирилл, переходя на

шаг. Затем покачал головой и добавил: – Еще бы по рельсу пошел.

Француз не ответил – не хватило дыхания.

– У тебя кровь течет, – вскоре сказал он, останавливаясь.

Громов дотронулся до шеи, пальцы покрылись влажным и липким. От бега кровь пошла сильнее. Жак вытащил из аптечки бинт и баллончик замораживающего аэрозольного антисептика. Кирилл припал на одно колено, чтобы экс-водителю было удобнее заниматься лечением.

Громов дернулся, когда ледяная струя ударила в рану. Зато через секунду блаженно улыбнулся, боль и жжение растворились в ледяных пальцах аэрозоля. Жак, придерживая начало бинта тремя пальцами, словно хотел взять щепотку соли, аккуратно, но туго обмотал шею спутника.

– Спасибо, – хотел кивнуть Кирилл, но помешала повязка.

– Меньше башкой верти, – посоветовал Жак, – повезло, что ни вену, ни артерию не задело.

Громов поднялся на ноги и зашагал дальше. Сзади топал француз.

– Уверен, что сейчас идет срочная изоляция всех станций в городе.

– Никого не впускают, выпускают только с документами и после допроса, – согласился Жак.

– Значит, идти наверх нет смысла.

– А куда еще? – тупо спросил француз.

Громов развел руками.

– Ждать, пока ветку снова не запустят, пока внимание жандармов не ослабнет.

– Неделю тут что ли сидеть? – сдвинув брови, с вызовом спросил Жак.

– Хочешь, пошли прорвемся с боем, – не выдержал звездолетчик, – ты первый, я прикрываю.

Громов увеличил темп, чтобы не продолжать дурацкий разговор. «Критиканство еще никому не помогало. Лучше б предложил что-нибудь, – подумал Громов. – Его все-таки планета. Как будто я специально все затеял, чтобы осуществить тайную мечту – пожить недельку в метро».

Первое ответвление встретилось почти через километр от станции. Кирилл едва не прошел мимо. Остановился, когда почувствовал на щеке легкий ветерок.

– По крайней мере, есть, где спрятаться, – освещая метровый проход, сказал Громов.

Потолок сомкнулся над головой где-то на уровне поднятой руки. Стены едва не задевали плечи. Несмотря на это, воздух стал свежее.

Кирилл вспомнил свою тесную каюту на корабле и затосковал. Сейчас бы они уже подлетали к Spes. Как там капитан? Что скажет отцу? А что скажет отец матери? Бедные-бедные предки. Они-то знают, что Тайла – хуже коллапсара. Система Rex, как черная дыра, втягивает все неудобное ей. И уже никогда не выпускает. «Я нарушу этот закон социальной физики», – стиснув зубы, мысленно пообещал себе,

родителям и друзьям Кирилл.

Бетон шуршал под ногами спутников. Громов чувствовал, что пол идет с небольшим подъемом. Сквозняк усилился, и Кирилл положил палец на спусковой крючок автомата. Звездолетчик понимал, что фонарь выдает его с потрохами, но оставаться в полной темноте было еще хуже.

Проход закончился, как и начался. В глухой стене, на уровне головы, было отверстие тридцать на тридцать сантиметров.

– Триста шагов, чтобы посмотреть на вентиляцию, – пробормотал Жак. – Шестьсот самых бесполезных шагов в моей жизни.

– Ты их еще не сделал, – отозвался Громов. – Отдохнем?

И, не дождавшись ответа, сбросил сумку на пол.

Жак достал из сумки бутылку воды и сел на корточки, опершись спиной об стенку. Кирилл сузил пучок фонаря до минимального и положил автомат стволом к стене. Робкий лучик, зажатый меж темных стен, позволял различить лишь очертания предметов на расстоянии вытянутой руки.

Удовлетворившись маскировкой, Громов достал паек и курицу. Разорвав птицу пополам, он распаковал захваченный у патрульных трофей. В пайке оказалось два тюбика с витаминизированным желе, четыре сухих питательных хлебца и пластиковая банка с саморазогревающимся супом.

– На космическом корабле рацион и то лучше, – откладывая суп обратно в сумку, заметил Кирилл. – Несильно власти

балуют своих песиков.

Громов выдавил желе на хлебцы и быстро, методично, без намек на наслаждение съел их. Затем пришел черед курицы. Кирилл отбросил спешку и, рвя мясо на длинные тонкие волокна, опускал их в рот. Жак же ел без всякой фантазии – кусал, жевал, глотал.

Француз закончил трапезу первый.

– Что теперь? – шепотом спросил он.

Кирилл еще с минуту жевал и только потом ответил:

– Не знаю. Сидеть здесь и ждать, пока ситуация утихнет или идти и искать убежище понадежнее.

– Здесь мы в ловушке. Пару шашек с газом и готово.

– У нас маски есть, – напомнил Громов.

– Бронированные экзоскелеты наденут, и не помогут ни автоматы, ни маски, – пессимистично заявил Жак, – еще и сами попросимся к ним, когда еда и вода кончатся.

– Да-а, осады мы не выдержим, – хмыкнул Громов. – Хотя в туннелях мы рискуем сами нарваться на военных.

– Выбираем из двух зол, – развел руками Жак.

– Есть еще третий вариант, – поднимаясь на ноги, сказал Кирилл. – Сдаться.

– Тогда и четвертый ничем не хуже, – скептически заметил француз. – Застрелиться.

Спутники взяли сумки, и Кирилл выключил фонарь. Темнота вязким коконом сомкнулась над людьми. Хотя в таком проходе даже в полной темноте споткнуться или заблудить-

ся мог только умственно отсталый неудачник.

Когда до главного туннеля оставалось полсотни шагов, Кирилл стал различать очертания предметов – в туннеле включили освещение. Стараясь шагать бесшумно, спутники подошли к выходу. Кирилл жестом показал Жаку остановиться. Француз послушно замер.

Громов по очереди, словно переходил дорогу, посмотрел в обе стороны. Под потолком, через каждые десять метров, светили тусклые лампы. Кирилл махнул Жаку, и спутники вошли в туннель.

– Надо было на такси ехать, – уныло оглядывая стены, сказал Кирилл.

Жак безмолвствовал.

Такой же проход, только с другой стороны, встретился метров через сто.

– Пойдем, – сказал Кирилл.

– Вентиляций не видел? – угрюмо спросил Жак.

– Если она будет хотя бы полметра – есть шанс выбраться.

– Не будет. Пошли дальше...

Громов закрыл рот Жака ладонью и втокнул в проход. Француз хотел возмутиться, но в этот момент услышал громкий разговор – три голоса о чем-то увлеченно спорили. Спутники вжались в стену и приставным шагом стали уходить вглубь вентиляционной шахты.

Не прошли они и полсотни метров, как квартет патрульных поравнялся с ответвлением.

– Идите, мне отлить надо, – сказал один из жандармов, не участвующий в споре, – заодно проверю проход.

– Заодно проверь, закрыта ли дверь, – сказал один из группы.

Трое спорщиков сбавили шаг и продолжили громогласный разговор:

– А я тебе говорю – броня это новая.

– Обычная хамелеонка, – ответил второй.

– Лазер по минуте держит? Пули, как горох отлетают? – с водопадом скепсиса поинтересовался первый.

– Может, они новое вещество синтезировали? Абсолютная броня, – вмешался третий.

– Ага, и отправили нам этот подарочек для исследований, – хмыкнул второй. – Говорю, хамелеон. Такой у всех космолетчиков, заведующих безопасностью. Просто наши парни сплеховали, а вы сразу ищите оправдание в сверхоружии врага. Друг-то его, вообще в кроссовках, джинсах и футболке шастает.

– Может, они из системы Ганга? – снова подал новую идею третий. – Говорят, там до сих пор заговоры знают, магия там всякая в ходу.

– Думаешь, волшебника прислали? – заржал первый.

– Так и доложим начальству, – подхватил второй, – объект – чародей. Не взят по причине магического...

– Да пошли вы, – перебил третий.

Дальше Кирилл не слышал.

Четвертый жандарм, равнодушный к форме беглеца, прошел метров тридцать, остановился и зажурчал. Кирилл молил Черную Невесту, чтобы этим его разведка и закончилась. Но, видимо, для бога космоса они были слишком глубоко под землей. Жандарм застегнул ремень и прилежно пошел дальше по проходу.

– Они зд...! – успел прокричать жандарм и забулькал. Из рта пошла кровь, ногти в последних судорогах начали карябать стены.

Кирилл дернул за руку шокированного, замороженного убийством, словно кролик взглядом удава, Жака.

– Бежим!

Дважды француза просить не пришлось. Не зная, на что надеясь, они ринулись по проходу.

Сзади послышался топот шести ног. Один из жандармов запнулся о труп товарища и с грязными ругательствами полетел на пол.

Кирилл, не оглядываясь, трижды выстрелил из пистолета через левое плечо. Попасть он и не мечтал, но немного остудить пыл преследователей надеялся.

– Стоять! – крикнул жандарм. – Бежать некуда!

«Чего ж вы тогда торопитесь? – подумал Громов, – если мы никуда не денемся? Какая дверь должна быть закрыта?»

Дважды в боковых стенах попадались вентиляционные отверстия. Но даже набегу Громов понимал, что им в них не пролезть.

Если не считать, что Кирилл тащил на себе в два раза больше Жака, француз бежал с ним наравне. Проход был близнецом предыдущего ответвления лишь поначалу. Вскоре он расширился до нескольких метров и ощутимо пошел вниз. Спутники рванули еще сильнее.

Несколько раз в спину ударило слабым разрядом тока – реакция формы на импульсы выстрелов, а один раз Громова словно ткнули пальцем в ягодицу.

«Парализатор и допотопный дротик, – определил Громов, – мы нужны живые». Извечное преимущество убегающих агентов, шпионов, разведчиков – это связанные руки преследователей. Каждый солдат понимал, что начальство не будет разбираться, сколько «живых боевых единиц» погибло. Главное – результат. Живой и желательно почти невредимый вражеский «язык».

«Жак у них, наверное, вообще по категории предатель идет. А что? Давний тайный агент, сумевший приблизиться к правительственным низам, при этом оставаясь на свободе. Получил сообщение от врагов и подстроил побег важного разведчика. Чем не версия?»

Сзади солдат повторял на всех каналах связи, что оба объекта обнаружены в таком-то секторе и оказывают сопротивление. Кажется, это был тот, который считал, что на Кирилле «обычная хамелеонка».

Стоило впереди показаться двери, Жак немного замешкался, пропуская Кирилла вперед. Не останавливаясь, Гро-

мов впечатал увесистый ботинок в дверь. Не откройся она сразу – серьезное повреждение голеностопа звездолетчику было бы обеспечено. Хрустнул разрываемый задвижкой замок пластик косяка.

Громов начал заваливаться назад, но его придержал Жак. Кирилл, снова забыв про повязку, попробовал кивнуть – получилась короткая шейная судорога. Прихрамывая, он ввалился в дверной проем.

Толкнув на ходу толстую, но теперь безвольную дверь, Громов прикрыл на время спины от огня преследователей. Язык замка с едва уловимым хрустом вошел обратно в зияющую рану коробки. Прочность двери имеет значение, но многие забывают, что не менее важна крепость косяка. Чаще, она даже важнее.

Через несколько шагов каменная кишка оборвалась. Кирилла и Жака окружила безобразно огромная пещера – настоящий подземный мир. Громов врубил фонарь на полную мощность и осветил во всех четырех направлениях. Луч, бьющий из универсального автомата, пасовал. Даже потолка спутники так и не смогли разглядеть. Свет растворялся, словно капля сливок в крепком кофе.

Кирилл быстрым шагом заковылял направо. Так вбежавшие солдаты сразу окажутся у него под прицелом.

Эта группа патрульных оказалась не столь самоуверенна, как их предшественники. Несколько выстрелов прошили дверь, но в пещеру так никто и не вошел – ждали подкреп-

ления. Видимо, смерть друга и бесполезный парализатор подействовали на солдат отрезвляюще.

Кирилл для остротки выпустил в открывшуюся дверь пару пуль. В ответ прилетели ругательства и проклятия.

– Как бы не заблудиться, – озираясь, сказал Жак.

– Уже, – ответил Кирилл, – назад все равно дороги нет. А впереди...

Фразу продолжил перестук щебенки под ногами. Было видно, что строительство в этой части метро уже полвека оставалось в зачаточном состоянии.

Кирилл и Жак снова оглянулись на дверь. Рядом с ней образовался тусклый пузырь желтоватого света.

– Я выключу фонарь, пока не уйдем с прямой линии, – сказал Кирилл. – Надо чтобы они подумали, что мы поменяли направление.

– Куда идти-то? – испуганно спросил француз. – Темень, костей не соберешь.

– Вперед, пока что вперед.

Спутники, касаясь друг друга плечами, сделали первые шаги во мрак.

Что-то хрустнуло и переломилось со звуком, который наполняет лес во время лесоповала. Пол под ногами поплыл, наклон резко увеличился.

Катились, шуршали камешки и тут же смолкали, чтобы отозваться последним глухим вскриком где-то внизу. Громов попытался остановиться, рухнул на спину, но продолжал

скользить вниз с неумолимостью горной лавины. Рядом, цепляясь восьмью пальцами за гладкий бетон, съезжал на животе Жак.

А потом в ноги ударила пропасть.

Глава шестая

Кирилл летел пару секунд и, кажется, даже успел вспомнить Spes и любимый корабль. Земля немилосердно ткнулась в ушибленную пятку, а через мгновение парализовала предательским ударом в кобчик. Кирилл не выдержал и вскрикнул от пронзившей все тело боли. Казалось, словно он выпустил из позвоночника тысячи игл внутрь себя, которые прошили кости, органы, мышцы, кожу...

Рядом, в каменной луже щебня, стонал Жак. Бетонная крошка, известковая пыль, деревянные щепки продолжали мусорным дождем сыпаться на людей.

Громов со страхом, что потерпит неудачу, попробовал пошевелить рукой. Тело подчинилось с явной неохотой. Скуля, словно голодный и побитый щенок, Кирилл с усилием перевернулся на живот. Включив фонарь, он окинул взглядом подземелье.

Они рухнули с эстакады, подпертой прогнившими, переломанными в щепки деревянными сваями. Бетонная плита угрожающе наклонилась, готовая в любой момент продолжить свое разрушающее путешествие.

Громов подполз к Жаку и спросил хрипло:

– Ползти можешь? А то сейчас накроет.

– Будет саркофаг круче фараоновского, – пошутил француз. В голосе слышались истерические нотки.

Руки Жака, от запястий до локтя, были в кровотокающих царапинах. В остальном он выглядел целым. Открытых переломов нет, и на том спасибо.

Кирилл закинул автомат на спину и пополз, толкая сумку перед собой. Жак, с топорщащейся поклажей на хребте, напоминал черепаху-мутанта. За французом оставалась кровавая дорожка пятен. Пятна с каждым метром тускнели, а руки покрывались коркой серо-коричневой мокрой пыли.

Громову показалось, что они ползли не меньше получаса, но, оглянувшись назад, он разочарованно вздохнул. Накрепнившаяся эстакада отделилась не больше, чем на полсотни шагов.

– Привал, – прохрипел звездолетчик и выплюнул тугой сгусток. На зубах скрипел песок. – Нужно обработать раны.

Целая бутылка воды ушла на то, чтобы отмыть грязь с ран и кожи вокруг них. Дальше в дело пошли замораживающий аэрозольный антисептик и последний бинт.

– Все, больше раниться нельзя, – со смешком предупредил Кирилл, отбрасывая в сторону пустой баллончик. – Жгут и пара пластинок антибиотиков – все, что у нас осталось.

Стоящий на коленках Жак пересел на задницу. Каждое движение он сопровождал водопадом мимики – морщил лоб или нос, хмурил брови, кривил губы или высовывал язык.

Боясь заражения крови, спутники проглотили по две капсулы антибиотиков.

– Идти сможешь? – спросил Кирилл, вознеся себя на ноги без автомата и сумки.

– Не знаю, – равнодушно ответил Жак и лег.

– Дружок, спать еще рано. С лестницей они этот завал в момент пройдут.

– Пять минут, – прошептал француз.

– Осмотрюсь пока, – беря заметно потяжелевший автомат, сказал Кирилл.

Шагая на нетвердых ногах, Кирилл шарил вокруг себя светом фонаря. Брови его поползли вверх – луч воткнулся в черное жерло туннеля. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Громом разглядел в метрах пятидесяти сразу две кишки несостоявшегося метро. Четвертый собрат оказался, где должен – напротив, недалеко от Кирилла. Сомнений не было – он стоял на недостроенной станции. Туннели пробили, породу выработали, а рельсы так и не положили.

– Гребаные гномы, вон куда дорылись, – с непонятной самому злостью, сказал звездолетчик.

Он решил обойти каждый проход.

В первом туннеле он сделал полсотни шагов, пожал плечами и двинулся обратно. Второй ему сразу не понравился спертым запахом. Пройдя метров десять, звездолетчик помочился на стену и вернулся к истокам четырех путей.

Топая к туннелям напротив, Громов оглянулся на Жака. Тот лежал неподвижно, скрестив забинтованные руки на груди.

Третий и четвертые проходы ничем не отличались от двух предыдущих. Видимо, эти ветки задумывались для тайных перемещений членов правительства. Но после монополизации власти Рексом проект забросили за ненадобностью.

Кирилл решил идти в дальние от эстакады туннели. Если он не потерял ориентацию, а компас не врет, то так они не будут удаляться от космодрома.

Жак встал и тщательно, словно увидел впервые, ощупал каждый сантиметр ног. Спутники подпрыгнули от неожиданности – за спиной послышался треск, грохот, словно исполин ударил молотом в наковальню. Бетонная громада рухнула, заставив землю на мгновение задрожать.

– Думаю, теперь времени на разбор завалов они потратят немало. Будут трупы искать, – предположил Громов. – Хотя погоню все равно отправят.

– Нам повезло, что она сразу так не долбанулась, – сказал Жак, спеша отойти подальше.

– Мы с тобой везунчики, – серьезно кивнул Кирилл, – я это сразу понял.

Повязка на шее разболталась, позволив звездолетчику кивнуть.

Взвалив на плечи изрядно потрепанные сумки, спутники направились к туннелям. Шаги и слова отражались от потолка едва слышным эхом. Стоило зайти в проход, как тембр звука поменялся.

– А теперь – побежали, – бодро приказал Громов и задал

легкий темп.

Жак побряхтел, похэкал, сплюнул и пристроился рядом. Бежать, когда посредине не мешается широкий рельс, было намного удобнее. Кирилл придерживал автомат рукой, но свет фонаря все равно метался, выхватывая, то гладкий каменистый пол, то стены с пустующими кабельными бороздами.

Звездолетчик и водитель бежали бок о бок по заброшенным подземельям Ламберта. Кирилл напряженно прислушивался, ожидая, когда за спиной объявится погоня. Он был уверен, что в этот раз за ними пошлют что-нибудь покруче. Перед глазами всплывала картина из какого-то телевизионного боевика. Люди бегут по кишке метрополитена, а за ними на квадроциклах гонятся полицейские. Слуги порядка кричат и ругаются, словно варвары из средневековья. На каждом квадрацикле установлен минипулемет и ракетная установка на четыре выстрела. Все закончилось тем, что метро разнесли в пух и прах вместе с беглецами, но Кирилла такой финал не устраивал.

Через полчаса они вышли на скромную по размерам станцию – не больше пятидесяти шагов в длину. В разные стороны расходились те же четыре туннеля. Здесь пол успели покрыть плиткой, а на колонах висели неработающие светильники.

– В столице, небось, и метра свободного под землей нет на километр вглубь, – проворчал Кирилл.

– В Гротенбурге почти все заводы и лаборатории под землей, – кивнул Жак.

– Хорошо еще ни мышей, ни крыс здесь нет.

– На Тайле вообще нет грызунов, – снова с непонятной гордостью заявил Жак.

– Хорошо вам. На Spes крыс так много, что они могут сказать, что на планете нет людей, – хмыкнул Громов. – Что они жрут в нашем каменном море – никто не знает.

– Кирилл, не о крысах сейчас беспокоиться надо, – тихо сказал француз. – Уже вторая станция, а о подъеме наверх – ни намека.

– Наверное, еще не достроили, – легкомысленно ответил звездолетчик. Воспоминания о родной планете улучшили настроение.

Жак покачал головой и вошел в туннель. Воздух с каждым шагом становился все более затхлым и вскоре превратился в непроходимую бетонную заклепку. Молча развернувшись, спутники побрели обратно.

Ветка-соседка оказалась точной близняшкой.

– Назад? – риторично спросил француз. И, вздохнув, сам ответил: – А что еще делать...

– Если сейчас появятся патрульные – нам деваться некуда, – предупредил Кирилл. – Либо сдаваться, либо биться насмерть.

– Тихо слишком. Свернули операцию, – как-то небрежно заявил Жак. – Думаю, правительство не хочет, чтобы эти ка-

такомбы стали известны даже полусотне преданных солдат. А если мы выберемся – поймают, а сдохнем – так им же проблем меньше.

– А информация? – Громов чувствовал, что у него огромный пробел в понимании психологии действий властей Таиланды.

– Других агентов найдут. Один ты что ли?

– Я и с Теодором, и с Эгоном Шульцем успел мило поболтать...

– Не зазнавайся, – осек его Жак, – у них и без тебя есть чем заняться в столице. А провинция, есть провинция. Тут власти видимость работы показали, и дальше жиреть да с модельками кувыраться.

– Три часа назад у тебя правительство было стаей злых неумолимых волков, готовых гоняться за добычей до изнеможения, – возмутился Громов. – А теперь ты мне расписываешь жирных ленивых котов.

– Три часа назад они такими и были, – улыбнулся француз. – А сейчас... Хотя я могу ошибаться.

Увидев выход из туннеля, Громов погасил фонарь. Взглянув на станцию, он не заметил ни единого огонька. «Вдруг засада?» – подумал Кирилл и достал из сумки трофейный бинокль. Хотя у него все, кроме формы, было трофейным.

Настроив оптику на инфракрасный режим, звездолетчик трижды оглядел каждый метр станции. Никаких всплесков температуры нет. Хотя на солдатах может быть маскировоч-

ная форма – с них станется. Смешались с темнотой, охладили форму до температуры камня и ждут, когда на них наступят, чтобы за ногу укусить. Ладно, пошутили и хватит.

Здесь Громов решил фонарь не включать. Взяв Жака за ремень сумки и, держа перед глазами бинокль, он направился к туннелю напротив.

Спутники пересекли станцию и вошли в «тухлый» туннель – так окрестил его про себя Кирилл. Свет фонаря, словно изголодавшийся по женскому телу моряк, начал с жадностью облапливать стены, пол и потолок. Абсолютная, нерелятивная в цивилизованном мире тишина давила на разум железным прессом. Сминая, обволакивая, она заставляла быть верной только ей, вынуждала бояться каждого шороха.

Пройдя место, где Кирилл «пометил» стенку, беглецы уперлись в нагромождение камней. Громов несильно ударил в них на уровне пояса и отскочил. Результатом стал негромкий звук, мгновенно исчезнувший.

В свете фонаря что-то тускло блеснуло под ногами. Звездочка разгребла каменную пыль, очищая круглую крышку люка.

– Посвети, – передавая автомат французу, сказал Кирилл.

Взявшись за порядком проржавевшую ручку двумя руками и широко расставив ноги недалеко от краев люка, Громов потянул. Приросший за много лет металл даже не шелохнулся.

– Диффузия, мать ее, – ругнулся Кирилл.

– Может, все-таки лучше в туннель?

– Чем лучше?

– Ну, там как-то спокойнее.

– Ага, к солдатам поближе. Нет, вернуться всегда успеем.

– К солнцу и свободе ближе, – пафосно ответил Жак. – А то ей-богу, как червяки какие-то подземные.

– Не нравится – иди наверх, – оборвал его Кирилл. – Тебя никто не держит.

Громов провел ножом вокруг люка, вычищая пыль и ржавчину. Жак стоял и обиженно молчал, освещая пол. Проведя еще одну окружность, Кирилл начал подсовывать нож под люк. Пытаясь хоть немного его приподнять и не испортить инструмент, Громов весь взмок. Казалось, словно он вскрывает строптивую банку маринованных огурцов испорченной открывалкой.

Наконец крышка приподнялась на несколько миллиметров, и Кирилл отложил слегка погнутый нож. Глубоко вдохнув, он снова взялся за ручку. Лицо покраснело, жилы на шее звездолетчика надулись. Жак испугался, что от такого напряжения рана Кирилла снова откроется, но говорить ничего не стал.

Крышка поддалась. Люк поднялся со звуком открывающегося массивного металлического засова. Кирилл потянул крышку на себя и отпустил. Толстый люк рухнул у него между ног, поднимая в воздух облако каменной пыли.

– Наверное, в столице услышали, – проворчал Жак.

Из черного зева потянуло болотом. Теперь «тухлый» туннель оправдал свое название полностью.

Кирилл лег на живот и показал французу жестом, мол, свети давай. Колодец уходил вглубь метров на десять. Спуститься можно было по хлипкой с виду лестнице. Кирилл взялся за верхний прут и потряс. Лестница задрожала, но через миг дрожь переросла в безумный танец широкополосных колебаний.

Громов с усилием успокоил металл. На руке осталась ржавчина. Вытерев ладонь об сумку, Кирилл забрал автомат.

– Сначала спускаюсь я, – сказал он, – а ты придерживаешь лестницу. Только смотри не ухнись вниз.

– Уж постараюсь.

– Сумки потом сбросишь.

Кирилл перебросил автомат на спину, лег на живот и свесил ноги в колодец. Нащупав ступнями опору, Громов начал сползать вниз. Когда он полностью скрылся в колодце, то даже у него, выдавшего виды звездолетчика, засосало под ложечкой. Это был не страх, но призрак страха, готовый в любой миг обрести плоть.

Несмотря на помощь француза, лестница шаталась безбожно. Громов пожалел, что у него нет экзоскелета с реактивным ранцем в комплекте.

Один из прутьев проржавел настолько, что рассыпался, стоило Кириллу поставить на него ногу. Громов вздрогнул, как от укуса осы. Влажность в подземелье была стопроцент-

ной. Так что за десятилетия даже покрашенное и оцинкованное железо неизбежно гибло под натиском коррозии.

Раздался хлопок, напоминающий выстрел из пистолета с глушителем. Лестница перекосилась, повиснув на единственном болте. Вскрикнул Жак, пытаясь выровнять лестницу. Покалеченная рука сильно уменьшала его возможности.

Кирилл немедленно прыгнул на землю, в который раз отбив пятки.

– Все нормально! – крикнул он снизу. – Спускайся!

– Может, ты обратно поднимешься? – поинтересовался Жак. – Как мы потом возвращаться будем?

– Отсюда никак, – нетерпеливо объяснил Кирилл. – И вообще, возвращаться плохая примета. Кидай сумки.

Зажав автомат между ног так, чтобы было видно всю лестницу, Кирилл ловко принял спускаемую варварским способом поклажу. Жак начал повторять действия спутника.

Громов прижал лестницу к стене, приподняв один из краев. Автомат остался лежать на сумках, подствольный фонарь освещал большую часть предстоящего французу пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.